

Е. ЛЕВИНЭ-НИССЕН

ОТРАЖЕНИЕ НАРОДНЫХ МНЕНИЙ О ВОЙНЕ И МИРЕ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ НАРОДОВ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЕТЕРБУРГ □ 1921

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Отражение народных мнений о войне и мире в поэтическом творчестве народов	
II. Описание войны 2700 лет тому назад	6
III. Народный протест против войны 3200 лет тому назад	10
V. Война и мир в поэтическом творчестве древних греков	15
V. Первые проблески борьбы против войны	18
VI. Древние римляне и война	22
VII. Народы Азии и война	25
VIII. Война и мир в поэтическом творчестве германского народа	30
IX. Война и мир в поэтическом творчестве германского народа (продолж.)	34
X. Народы Западной Европы и война	38
XI. Война и мир в поэтическом творчестве русского народа	42
XII. Война и мир в поэтическом творчестве русского народа (продолж.)	46
XIII. Война и мир в поэтическом творчестве народов в XIX веке	51
XIV. Хотят ли народы войны? (Заключение).	57

Отражение народных мнений о войне и мире в поэтическом творчестве народов.

В то время, как над всеми народами витает ужас мировой войны, в то время, как миллионы людей погибают в окопах и на поле битвы, раздаются голоса, утверждающие, что так было всегда и так будет всегда. Говорят, что войны соответствуют человеческой природе; отвечают потребностям человеческой души и поэтому неизбежны. Утверждают, что не только дикари любят жестокие бои и кровавые боины, но и в народах, приобревших и цивилизацию, и культуру, все-таки глубоко коренится потребность воевать. Так ли это на самом деле?

Решение этого вопроса представляет громадное значение для всякого, кто верит, что возможно наступление более светлого будущего без войн и кровавых распрей.

Если причины войн кроются исключительно в экономических, социальных и политических условиях общественной жизни, то для прекращения войн нужно изменить эти условия общественной жизни. Как ни труден этот путь, как он ни усеян терниями—есть надежда достигнуть желанной цели. Непреодолимых преград на пути к ней мы не находим.

Иначе обстоит дело, если правильно утверждение, что война соответствует человеческой природе; что сами народы хотят войны.

Тогда и изменение форм общественной жизни не исключило бы возможности, что вновь «восстанет брат на брата», тогда не исчезла бы опасность, что и при других общественных формах человеческого общежития с элементарной силой прорвется присущая человеку воинственность, и снова мир будет залит морем крови и слез.

Понятно поэтому, какое громадное значение для человечества имеет решение этого вопроса.

Что могут привести и что приводят приверженцы вышеуказанного взгляда в виде доказательства?

Никоим образом они не могут сослаться на то, что во все времена у всех народов велись войны.

Лишь небольшое количество власть имущих (почти) всегда решало вопрос о войне и мире. Народные массы шли умирать и убивать по приказу. В их участии в войне никоим образом нельзя усмотреть сочувствия. Но вот в виде доказательства указывается, что во все времена и у всех народов не только велись, но и воспевались войны. Не только выдающиеся поэты, писатели, философы всегда воспевали войну, но и сами народные массы выражали свою любовь к войне в своем художественном творчестве: в народных песнях, сказаниях, сказках, былинах они воспевали войну.

Соответствует ли это утверждение на самом деле действительности?

Во все времена, среди всех народов бывали группы людей власть имущих, которым война сулила разные выгоды: увеличение власти, славу, богатство. Вокруг этих власть имущих толпились их слуги и опричники, желавшие также поживиться добычей. И к ним примыкали, наконец, разные искатели приключений, жаждавшие войны, как развлечения и забавы.

Безусловно верно, что эти люди всегда восхваляли войну. Но их голоса отнюдь не отражают настроения широких народных масс.

Многие эпосы, саги, былины, приписываемые народу, сочинялись придворными певцами, которые в угоду своим господам воспевали их воинские подвиги. Эти произведения художественного творчества отнюдь не заслуживают названия народных. Но даже творцы этих произведений в редких случаях решались воспевать войну. Они лишь описывали ее. Воспевали они не саму войну, а проявление геройской доблести во время войны. Человеческая же доблесть всегда красива; ее проявления могут быть красивыми даже во время такого некрасивого дела, как война. Но нигде мы не находим утверждения, что война сама по себе хороша и красива. Кроме того, в песнях царских и княжеских песенников часто проявляются отголоски народной ненависти к войне. Описывая войны, придворные певцы нередко, отдавая дань истине, описывают, как часть народа восставала против войны и требовала ее прекращения.

Чтобы услышать голоса протеста против войны, однако не приходится ограничиваться его отзвуками в воинственных песнях царедворцев. Во все времена и у всех народов сочинялись истинно народные песни, в которых выливается негодование трудового народа против войны. Многие из этих песен сохранились и по наши дни.

В художественном творчестве великих людей можно найти отражение взглядов и культуры того народа, к которому они

принадлежат. Ибо «великие люди не падают с неба на землю; как деревья, они растут от земли к небу». Корни их творчества корнями глубоко в народной почве, из которой они черпают и чувства, и мысли, и силы.

Рассматривая взгляды духовных вождей народов на войну, мы найдем, что безусловно во все времена находились и среди них такие, которые подавали свой голос в пользу войны. Но одновременно мы увидим, что точно так же во все времена и у всех народов находились великие люди, самым резким образом восстававшие против войны и боровшиеся с ее поклонниками.

Присматриваясь пристальнее к тому, кто говорил за войну и кто против нее, мы убедимся, что наиболее яркие и выдающиеся представители мирового художественного творчества и науки не находятся среди поклонников войны. Число последних вообще гораздо меньше, чем оно кажется на первый взгляд. Многие поэты и драматические писатели в своих художественных творениях — романах, стихах, драмах — давали образы воинов, полководцев, царей и других власть имущих. Им они должны были вкладывать в уста те речи, которые соответствовали каждому из изображенных лиц. Поэтому мы находим так часто в драматических произведениях разных поэтов воинственные речи. Мысли, высказываемые ими, отнюдь не соответствовали чувствам поэта.

Таким образом мы видим, что мировая литература, точно так же, как и народное творчество, часто описывала войну, редко ее восхваляла, чаще же всего указывала на ее бессмысленность и жестокость.

Если мы таким образом постараемся найти ответ на интересующий нас вопрос и в мировой литературе и в художественном творчестве всех народов, то мы убедимся, что, если в разные времена и у разных народов отдельными личностями восхвалялись войны, то во все времена и у всех народов раздавались громкие голоса протеста, ясно показывающие, что широкие массы народов войны не хотят.

Обзору этих голосов протеста посвящен предлагаемый читателю очерк. В нем мы попытаемся нарисовать картину той ненависти к войне, той горячей любви к миру, которые были даны во все времена среди всех народов.

II.

Описание войны 2700 лет тому назад.

Одним из народов древности, культура которого была в особенном расцвете, были греки. Художественными творениями их ваятелей мы восхищаемся еще теперь. Мысли, высказанные их философами, поражают необычайной глубиной. Произведения их поэтов по сей день привлекают художественностью и жизненной правдой.

И именно на древних греков ссылаются, чтобы доказать, что любовь к войне присуща не только первобытным дикарям, но и народам, достигшим высочайших степеней культуры.

Указывают на художественное произведение «Илиаду», в котором древние греки, якобы, выразили свой восторг и свое преклонение перед красотой войны.

Действительно, так называемая «Илиада», песня, описывающая бои при древнем городе «Илионе», одно из самых древних поэтических произведений, сохранившихся по наши дни, в котором описываются бои и сражения. Но доказательством тому, что древние греки любили войну, «Илиада» может служить лишь при самом поверхностном наблюдении.

«Илиада» была создана в те далекие времена, когда люди верили в существование многочисленных богов и богинь и предполагали, что эти боги и богини участвуют в человеческих распрях и борьбе, даря одним людям помощь и победу, неся другим гибель и смерть. Древнее греческое предание рассказывает, что богиня любви Афродита помогла троянскому царевичу Парису похитить «прекрасную Елену», жену греческого царя Менелая. Чтобы отомстить за поруганную честь Менелая, греческие цари с многочисленными войнами отправились через море в Малую Азию, где осаждали город Троию (он же Илион). Много лет осада была безуспешна. Происходили многочисленные бои. То побеждали греки, то трояне. Но город оставался в руках троян. Лишь по истечении десяти лет грекам удалось при помощи военной хитрости овладеть Илионом.

Ряд событий из этих боев между греками и троянами описывается в «Илиаде».

Поход греков, входящий в основу этого произведения, имел место около 1300 лет до Рожд. Христ., т.-е., около 3200 лет до наших дней. Предание гласит, что эту песню сложил слепой певец Гомер, певший при дворах греческих царей про славные подвиги и извещения. Как бы то ни было, сочинил ли ее Гомер или кто-либо другой, установлено, что песня эта возникла около 800 лет до Рожд. Христ. В те времена самые крупные сражения были не что иное, как бесчисленное количество поединков. Успех зависел от мужества, силы, ловкости и отваги отдельных личностей. Понятно, что поэтому эти качества особенно ценились при дворах царей, ведущих бесконечные войны. Понятно поэтому, что певцы «Илиады», усвоившие взгляды тех, для кого они пели и с кем они жили, воспевают мужество и силу героев Троянской войны. И понятно, что, воспевая этих героев, они нам повествуют о том, как царь Ахиллес «душою алкал брани и боя», как другие были «влекомы ненасытной жаждой битвы».

Но любопытно, что во всей этой песне, состоящей почти из 20000 стихов, тем не менее ни в одном из 20000 стихов не восхваляется сама война. На каждом шагу проявляется нелюбовь поэта к войне.

Мы уже упомянули о том, что по древним преданиям боги и богини принимали участие в боях греков с троянами. Певец «Илиады» описывает появление богов и их разговоры друг с другом. Называя имена богов, поэт прибавляет слова, восхваляющие их достоинства.

Лишь бога войны Ареса он не восхваляет, а глубоко порицает. «Истребитель народов» «кровью покрытый», «мужегубец», «кровавый», «свирепый», «злосотворенное», «необузданный», вот те имена, которые поэт дарит богу войны и в которых безусловно отражается отношение широких народных масс того времени к войне. Поэт описывает, как старший из богов Зевс, «отец богов», обращаясь к Аресу, называет его «ненавистнейшим из богов, населяющих небо». «Распря единая, брань и убийство тебе лишь приятны», говорит ему Зевс (полный презрения и негодования), упрекая Ареса за то, что тот, «необузданный, вечно строптивый».

«Сестрой и подругой» бога войны считалась богиня Распря. В «Илиаде» описывается, как она, «ненасытная бешенством», рыщет по полю битвы, «сеет ярость» между войсками «на взаимную гибель», «умножая стоны умирающих».

Сама война называется «бранью уединенной», «гиоелью черной», «страшной», «ужасной». Все произведение не содержит ни единого слова, восхваляющего ее. Поэт описывает, как богиня

любви Афродита также появляется «на страшном поприсе брани», по вскоре бежит, ужаснувшись битвы, задетая копьем одного из воинов. Диомед, греческий царь, кричит ей вдогонку: «Если ты посмеешь еще раз вмешаться в дело войны, то впредь—я надеюсь—ты ужаснешься, лишь услышавши слово война».

Несомненно, что придворному поэту, сочинившему «Илиаду», нравятся воинские доблести. Ему нравится греческий царь Ахиллес, хвастающийся своими победами. (Отрывки из «Илиады» цитируются по переводу Гнедича (СПб. 1829). Переводы других поэтических произведений сделаны автором.

Пр. авт.)

„Я кораблями двенадцать градов разорил многолюдных,
Пеший одиннадцать взял на Троянской земле многолюдной;
В каждом из них я сокровищ бесценных и славных корыстей
Много добыл...“

Но, тем не менее, сама война ненавистна даже и придворному поэту. Он преисполнен горячего чувства жалости к раненым и павшим. Убитых он неоднократно называет «бедными».

„... Те же убитых поспешно уволокли к дружинам Ахейским,
Там их оставили бедных, друзьям возвративши печальным.“
Там по земле распростершись, сном засыпает он медным,
Бедный, друзей защитивший...“

Поэт жалеет убитого за то, что он

„...подле мертвого мертвый“
Пал далеко от Лариссы родной; ни родителям бедным
Он не воздал за труды воспитания; век его краток
Был на земле...“

Другого поэт жалеет за то, что тот умирает «далеко от юной верной супруги». Нежность и жалость поэта к жертвам войны находит себе выражение в разных поэтических сравнениях. То он сравнивает умирающих героев с подкошенным «маком, склонившим голову набок», то с подсеченным тополем, дубом или с сосной, то с «маслины дровом, которое было возвращено с любовью, и теперь лежит вырванное с корнями жестокою бурей».

Полный сострадания, поэт описывает грусть жены, прощающейся с мужем, уходящим на поле битвы, ее отчаяние при известии о смерти его, безысходное горе отца и матери, потерявших сына.

И если поэт и восторгается мужеством и силой отдельных героев, то сами убийства, совершаемые ими во время бдений, внушают ему безусловно отвращение.

Поэт описывает, как царь Ахиллес свирепствует; убивая

троиц. Ахиллес не унимается даже тогда, когда они ищут сна сения от него в водах реки Ксанфа. Он продолжает побойща, наполняя реку трупами. Тогда, по описанию поэта, речной бог, возмущенный этой бойщей, обращается к Ахиллессу:

„Трупами мертвых полны у меня светлоструйные воды;
 Более в море священное волн проливать не могу я,
 Трупами спертый троянскими: ты истребляешь, как гибель.
 О, воздержись...“

Ахиллес, смущенный грозным окриком речного бога, должен уняться. И безусловно чувствуется, что поэт не одобряет неистового героя и, при виде бесконечных жертв побойща, заодно с речным богом влагает весь свой ужас и трепет в умоляющие слова Ксанфа.

Это голос народных масс, изведавших весь ужас войны, крик людей, измученных и истерзанных войной, который раздается здесь 2700 лет тому назад из уст Ксанфа:

«О, воздержись.»

«О, воздержись» — сколько раз в течение следующих тысячелетий народы устами своих поэтов обращались к неистовствовавшим в упоении проливания крови.

«О, воздержись» — но, увы, лишь в песне эти слова приводят в смущение и удерживают от дальнейшего кровопролития увлеченных войной.

III.

Народный протест против войны 3200 лет тому назад.

В отношении поэта «Илиады» к войне косвенно отражаются взгляды греческого народа. Но, чтобы увидеть отрицательное отношение древних греков к войне, нам не приходится ограничиваться такими косвенными указаниями. Поэт «Илиады» в своем произведении рассказывает нам, о том, как народ открыто возмущался войной и ее последствиями.

Если «Илиада» одно из самых древних описаний войны, то она одновременно и самый древний памятник народного протеста и против войны.

На совещании царей под председательством Агамемнона выносится решение после долгого перерыва снова начать наступление против троян. Но при этом цари приходят к соглашению не сообщать воинам сразу принятого решения, а сначала испытать их, т.-е. попросту сделать маленькую провокационную выходку. Царь Агамемнон созывает собрание всех воинов и произносит речь, в которой советует вернуться домой.

„Девять прошло круговратных годов великого Зевса:
Древо у нас в кораблях изгнивает, канаты истлели;
Дома и наши супруги и наши любезные дети
Сетуя, нас ожидают, а мы безнадежно здесь медлим,
Делу не видя конца, для которого шли к Илиону.
Други, внимлите, и что повелю я вам, все повинуйтесь:
Должно бежать. Возвратимся в драгое отечество наше.
Нам не разрушить Трои, с широкими стогнами града.“

Агамемнон хочет выяснить, кто против продолжения войны. Но, совершенно неожиданно для царя, оказывается, что речь соответствует всеобщему настроению.

Для рассматриваемого нами вопроса особенно важно то обстоятельство, что речь Агамемнона, по описанию поэта, находит самый широкий отклик в массах. Воины верят в искренность царя и с восторгом подхватывают мысль о прекращении войны.

Вот, как повествует об этом поэт:

Так говорил: и Ахеян ¹⁾ сердца взволновал Агамемнон,
 Всех в многолюдной толпе, и не слышавших речи советной
 Встал, всколебался народ, как огромные волны морские,
 Если и Нот ²⁾ и Эвр ³⁾, на водах Икарийского ⁴⁾ понта,
 Их воздымают, ударив из облаков Зевса ⁵⁾ владыки,
 Или, как Зефир ⁶⁾ обширную ниву жестоко волнует,
 Вдруг налетев, и над нею бушующий, клонит колосья:
 Так их собрание все взволновалось; с криком ужасным
 Бросились все к кораблям; под стопами их пыль подымаясь,
 Облаком в воздухе стала; кричат, убеждают друг друга
 Быстро суда захватить и спускать на широкое море;
 Рвы очищают; уже до небес подымались крики
 Жажущих в дом; уже кораблей вырывали подпоры.⁶

Так сильна была жажда мира греческих воинов, что они, не теряя ни одной минуты, принимаются за приготовления к возвращению на родину: в радостном волнении «очищают рвы», «вырывают подпоры кораблей». Но их желаниям пока не суждено свершиться. Судьба «войны и мира», уже и тогда, 3200 лет тому назад, лежала не в руках народных масс, не в руках простых воинов—она всецело зависела от власти имущих царей. А цари решили иначе.

Согласно их уговору царь Одиссей не дает воинам «в море для бегства влечь кораблей». Знатных воинов он путем убеждения и уговоров побуждает снова вернуться на собрание. С простыми воинами он менее церемонится. С криком, руганью и бранью их тонит обратно, не останавливаясь и перед применением грубой физической силы. Его старания увенчиваются успехом. Собрание возобновляется. Но тут происходит что-то неожиданное. Подымается простой воин по имени Терсит и произносит горячую речь против продолжения войны. Он обвиняет вождя Агамемнона в том, что тот из-за корыстных побуждений не согласен вернуться домой. Терсит призывает воинов не быть «бабами», отказаться от дальнейшего повиновения и, не обращая внимания на Агамемнона, вернуться на родину.

1) Древние греки сами называли себя „Ахеянами“.

2) и 3) Нот и Эвр—морские ветры, по преданиям древних греков боги.

4) Икарыйский понт—древнее название моря, отделяющего Грецию от Малой Азии.

5) Зевс, отец богов и людей, по преданиям древних греков самый сильный из богов.

6) Зефир—легкий ветерок. По преданиям древних греков это божество.

„Что, Агамемнон, ты сетуешь, чем ты еще не доволен?
Кущи твои преисполнены меди, и множество пленниц
В кушах твоих, которых тебе Аргивяне ¹⁾ избранных
Первому в рати даем, когда мы град разоряем.
Жаждешь ты злата еще, чтоб его кто-нибудь из Троянских
Конников славных принес для тебя в искупление сына,
Кого в узах я бы привел, иль другой Аргивянин?
Хочешь ли новой жены, чтобы любовию с ней наслаждаться,
В сень одному заключившись? Нет, не достойное дело,
Бывши главою народа, в беды вовлекать нас, Ахеян!“
Слабое, робкое племя, Ахеянки мы, не Ахейцы!
В дома свои отплывем, а его мы оставим под Троей,
Здесь насыщаться чужими наградами; пусть он узнает,
Служим ли помощью в брани и мы для него, иль не служим.“

В эпизоде с выступлением Терсита мы видим первое поэтическое описание активного протеста против бессмысленности войны. Протест этот был вызван не только усталостью благодаря продолжительности войны. Он исходил из политического сознания и здорового демократического чувства. Терсит не впервые выступал против власть имущих. Сам поэт повествует о том, что Терсит был

„С сердцем готовым всегда на бесчинные, дерзкие речи,
Вечно искал он царей оскорблять...“

Поэт «Илиады» не разделяет демократических воззрений Терсита. Он сторонник греческих царей. Его взгляды вкладываются в слова Одиссея:

„Всем не господствовать, всем здесь не царствовать нам, Аргивянам!
Нет в многовластии блага, да будет единый властитель,
Царь нам да будет единый...“

Ясно, что при этих взглядах он ненавидит и презирает Терсита. И, зная, что царям, для которых он слагал свою песню, Терсита особенно ненавистны, поэт не жалеет мрачных красок, рисуя портрет этого дряхлого борца за идею мира и демократии. По описанию поэта, Терсит был.

„Муж безобразнейший; он из Геллады ²⁾ пришел к Элиону,
Был косоглаз, хромоног; совершенно горбатые сзади
Плечи на персях сходились; глаза у него подымалась
Вверх острием, и была лишь редким усеяна пухом.“

1) Аргивяне, так же как и „ахеанс“ или „ахейцы“ — древнее наименование греков.

2) „Геллада“ — древнее название Греции.

Вся ненависть господствующих классов против поборника мира сквозит из этого описания. Кроме того, Терсит рисуется жалким трусом.

Одиссей прерывает речь Терсита и избивает его. Терсит плачет и умолкает. Но при этом поэт сам выдает себя, так что не трудно уличить его в клевете. Поэт утверждает, что воины выражали сочувствие Одиссею по поводу того, что он «руганьем буйного обуздal» и, смеясь над Терситом, говорит:

„Верно впрямь не отважит его дерзновенное сердце
Зевсу любезных царей оскорблять недостойною речью.“

На самом деле воины безусловно сочувствовали Терситу, а не «Зевсу любезным царям». Это видно из того, что цари лишь при помощи угроз и грубого физического насилия заставляют воинов продолжать войну и удерживают их от исполнения совета Терсита вернуться на родину.

Царь Нестор угрожает, что он убьет всякого, кто попытается вернуться на родину:

„Если же кто-либо сильно желает лишь в дом возвратиться,
Пусть корабля своего многовеслого он прикоснется:
Прежде других малодушный найдет себе смерть и погибель.“

Царь Агамемнон угрожает не только убить уклоняющихся от битвы, но и отдать их трупы на съедение собакам и птицам.

„Если ж кого я увижу хотящего вне ратоборства
Возле судов крутоносных остаться, нигде уже после
В стане ахейском ему не укрыться от псов и пернатых!“

Как сильно должно было быть стремление вернуться на родину, если цари могли заставить их воевать дальше лишь при помощи таких угроз.

Еще более ясно настроение народных масс того времени высказывается в другом месте. Греческий царь Менелай и троянский царевич Парис хотят в поединке решить судьбу. Народы же пусть прекращают дальнейшие бои. Полные радости и греки и трояне принимают это решение.

„Так не один восклицал меж рядами Троян и Ахейи:
Мощный Зевес, обладающий с Иды ¹⁾, преславный, по шествию
Кто меж нами ²⁾ погибельных дел сих и распрей вышесей
Дай ты ему, пораженному, в дом погрузиться Аида ³⁾
Нам же опять утвердить и священные клятвы и преданья.“

1) Ида—гора, на которой заседает, по преданию, совет богов и людей.

2) „Меж нами“—т. е., между обоими участниками войны, греками и троянцами. Менелаем, распра которых вызвала Троянскую войну, и Парисом.

3) „Аид“—бог подземного мира, в который обращаются души умерших людей.

Оба народа—и греки и трояне—выражают желание снова «утвердить священные клятву и дружбу». Но, несмотря на договор, по окончании поединка, опять возобновляются бои, в которых должны участвовать народы. Сколько раз случалось с тех пор в истории человечества, что два воюющих народа не знали другого желания, как «снова утвердить дружбу», и должны были под угрозами власть имущих продолжать бойню!

Война и мир в поэтическом творчестве древних греков.

Тому же самому слепому певцу Гомеру, который считается автором «Илиады», приписывается также и другое произведение, так называемая, «Одиссея», пользовавшаяся особенной популярностью у древних греков. На самом деле «Одиссея» составлена на сто лет позже, чем «Илиада». Но если и автор этой песни не тот же, что автор «Илиады», то взгляды на войну у него те же, что и у автора описания битв при Трое, составленных сто лет раньше.

В «Одиссее» описывается, как греческий царь Одиссей после падения Трой десять лет скитался, пока ему удалось вернуться в отчизну. Прибыв домой, он застаёт свою жену, Пенелопу, двадцать лет терпеливо ожидавшую его возвращения. Но в его дворец забрались молодые князья, тщетно пытавшиеся заставить Пенелопу выйти замуж за одного из них и готовившиеся захватить в свои руки его царство. Происходит кровавая расправа, и Одиссей убивает всех своих врагов. Отцы и братья убитых спешат отомстить за них. Снова разгорелась бы «свирепо-кровавая бойня», и «погибли бы все они, и домой ни один не пришел бы обратно». Но тут вмешивается Афина, богиня мудрости. Она «громко крикнула, гибель спеша отвратить от народа:

«Стойте! Уймитесь от бедственной битвы, граждане Итаки
Крови не лейте напрасно и злую вражду прекратите!»

Воюющие стороны подчиняются приказу богини и заключают мир. Таким образом исполняется предсказание отца богов и людей Зевса.

.... Клятвой великой

Мир утвердится; а горькую смерть сыновей их и братьев
В жертву забвению мы предадим; и любовь сопокуши
Прежняя всех; и с покоем обилие здесь подворится»

Здесь, в произведении седой древности, мы находим определение того, каков должен быть мир. Все разногласия, вызвавшие войну, должны быть забыты. Недопустимо никаким образом мести

«Горькую смерть сыновей и братьев» нужно «предать забвению». Прежняя «любовь» должна «совокупить» обе стороны, вступившие мирное соглашение.

И, как последствие этого соглашения, высший из богов обещает, что «с покоем обилие водворится». Это определение мира и теперь 2700 лет все еще соответствует действительности.

Народных песен древних греков не сохранилось. Но мы увидим ясно отношение широких народных масс этого времени к войне, если вспомним, что «Илиада» и «Одиссея» были любимейшими произведениями древнего греческого народа. Они передавались из поколения в поколение. Дети учили их наизусть. Взрослые мужчины гордились, если имели случай петь их перед народом. Ясно, что народ видел в них отражение своих мыслей и чувств. И поэтому стихи, приведенные нами выше и содержащие в себе восторженную хвалу миру, не потерявшие и теперь своей внушительной силы, являются ценным показателем мировоззрений того времени.

Те же взгляды проявляются и у других греческих поэтов, поскольку они касаются войны.

Так, Пиндар, живший в 522—448 г.г. до Рожд. Христ., поет: «что тот, кто не видел войны, может считать ее сладкой, но познавший войну содрогнется полный ужаса при ее приближении».

Геродот, историк того же времени, описавший немало походов и войн, говорит: «Вряд ли найдется человек настолько лишенный ума, что он предпочтет войну миру. Во время мира дети хоронят отцов; во время войны отцы хоронят детей».

Любопытно, что древние греки воздвигают всем своим богам храмы и алтари, лишь одному Арею, богу войны, не воздвигали ни храма, ни алтаря. Им казалось немислимым молиться о том, чтобы была война.

Ясным показателем отношения древне-греческого народа к войне служат также взгляды драматических писателей. В те времена театр служил развлечением не только небольшому кругу состоятельных людей. Доступ в театр был бесплатен. Все расходы по театру брало на себя государство. Громадные греческие театры вмещали от 5.000—10.000 человек. Принимая во внимание небольшое количество жителей городов того времени, можно смело сказать, что все взрослые граждане посещали драматические представления. Если поэтому творцы драматических произведений пользовались славой и почетом, то это значит, что они признавались и ценились не только маленькой группой власть имущих или влиятельных людей, а что их произведения жгли сердца действительно всего народа.

Эсхил (525—456 до Р. Х.), Софокл (495—405 до Р. Х.) Эврипид (480—407 до Р. Х.) были знаменитейшими творцами трагедии того времени. Ни у одного из них мы не находим ни одного слова, восхваляющего войну.

Эсхил в одной из своих драм обращается к богам с молитвой: «Да минует нас кровавая брань, да не прольется кровь граждан, да не проснется жажда мести».

Эврипид в трагедии «Троянки» рисует потрясающие картины человеческого горя, связанного с войной.

Андромаха, потерявшая на поле битвы мужа, старуха Гекуба, лишенная мужа и сыновей, маленький Астианакс, сыночек Гектора, внезапно осиротевший—эти яркие образы мог создать лишь человек, глубоко ненавидевший всякое убийство и насилие войны. И несомненно, что древние греки, так глубоко воспринимавшие страдания героев трагедий Эврипида, должны были разделять ненависть поэта к войне. Софокл в «Антигоне» упоминает о братоубийственной войне Полиника и Этеокла, воевавших из-за города Фив. Яркими негодующими словами хор, состоящий из старцев, нападает на обоих братьев-зачинщиков. Полный ужаса он следит за тем, как разгорается «гибельная борьба» «безумных борцов». Известие о смерти воевавших братьев заставляет его содрогнуться, но и наполняет его нравственным удовлетворением. Ужас и смятение прошли, ибо кончилась война и наступает мир. Радостно, восторженно раздаются голоса хора, ибо теперь он уже поет не о войне, а о мире. Хор приветствует богиню, «даровавшую конец войны». «Забыты теперь печаль, страдание и заботы». Хор зовет всех в храмы богов, чтобы всю ночь «от зари до зари» «кружиться в радостной пляске».

В той же драме Антигона говорит знаменитые и поэтические слова:

„Любить мы призваны, не ненавидеть“.

Софоклу в Греции еще в древние времена был воздвигнут ряд памятников, из которых некоторые сохранились и по наши дни. Ясно, что народ 450 лет до Р. Х., воздвигавший памятники по его проповедывавшему любовь, не мог быть приверженцем идича и жестокости.

Первые проблески борьбы против войны.

Одним из самых ярких борцов за мир среди древних греков был поэт Аристофан (450—380 до Р. Хр.). В его произведениях война порицается не только вскользь или мимоходом. Целый ряд его творений посвящен целиком агитации против войны. Не менее трех таких комедий этого поэта, трех первых ласточек «антимилитаризма» в мировой литературе сохранилось по наши дни. В Афинах был обычай в дни празднеств некоторых богов ставить комедии различных поэтов. Избранные народом пять судей назначали состязавшимся поэтам награды. В 425 году до Р. Хр. первую награду получил Аристофан за свою комедию «Ахарнейцы», в которой он ядовито и метко высмеивает противников мира. Уже шесть лет длилась война с Спартой, возникшая по вине афинян. Бедствия, которые они имели вследствие этой войны, были неисчислимы. Бескопечные набеги спартанцев разорили крестьян в окрестностях Афин. По озлобленным афиняне не хотели заключить мира. В самих Афинах, переполненных беженцами, свирепствовала чума. Один из этих беженцев, Дикайополис, является героем комедии Аристофана. Он из местечка Ахарнея, особенно пострадавшего от набегов спартанцев. Находясь в Афинах, он беспрестанно тоскует по домашнему очагу. Он идет на народное собрание с твердым намерением заключить мир:

«Полно жаждой мира мое сердце, истомленное городской жизнью, стремится на лоно природы, в деревню, где никто не кричит: купите углей, уксуса, масла. Нигде не раздается крик продавцов—сама земля все производит—никто не продает. Я пришел сюда с твердым намерением кричать, менать, высмеивать всех крикунов, которые ни о чем другом, как о войне, хлопочут».

Попытка Дикайополиса не увенчивается успехом. Тогда он решает заключить лично для себя «особый мир» с Спартой—шутка, возможная лишь в комедии: Его приятель ему приносит мир, как вино в бутылках. Он приносит «три сорта мира» и предлагает избрать самый подходящий: «Мир на пять лет», «Мир на десять лет»,

«Мир на тридцать лет». Дикайополис избирает последний. Пятилетний мир «пахнет дегтем и постройками новых кораблей». Десятилетний мир «слишком кислый». Он имеет привкус бесконечных дипломатических переговоров, посылки послѳв к нерадивым союзникам. Нет, не хочу я его. Затем, в ряде веселых сцен, описывается, как, купив «бутылку мира», Дикайополис зажил припеваючи. Ему не нужно идти сражаться. Он свободно торгует с прежними врагами. Его соседи, жители Ахарнеи, ратовавшие против заключения мира и страдающие еще под бременем войны, заявляют теперь, полные зависти:

«Видела ты, о родина, этого умного, рассудительного человека, который своим «миром» себе все добыть может—и необходимое и роскошь. Все хорошее и прекрасное само к нему бежит. Теперь и я отказываюсь воевать. Прочь, война, не показывай и носу ко мне на порог».

«Радостно и счастливо мы жили, но она нагрянула, как саранча, изгнала все хорошее и в слезы превратила радость.

«Милый мир, высокое божество, любимец Венеры и граций! Почему ты так поздно свой сладкий лик нам показал? О, если бы какой-нибудь добрый гений нас соединил!»

Ежеминутно к Дикайополису прибегают бывшие защитники войны и умоляют уступить им хотя бы «капельку мира». Комедия заканчивается описанием того, как миролюбивый Дикайополис устраивает в своем доме веселую пирушку в то время, как поклонник войны, полководец Ламах, хвостун и трус, с скрежетом зубным отправляется в поход. Лишь три года после постановки этой комедии начались переговоры о мире. Было заключено предварительное перемирие на год. Во время этого перемирия игралась новая комедия Аристофана «Мир», в которой он старался вербовать сторонников своего мнения, что нужно еще до истечения перемирия заключить окончательный мир с Спартой.

Содержание комедии беспристрастное. Но все сцены блещут юмором и ядовитыми насмешками над противниками заключения мира. Герой комедии Тригай летит на навозном жуке на небо, чтобы испросить у богов мир для своей родины. Богиня мира оказывается зарытой глубоко в землю. После разных приключений Тригай с помощью союзников выкапывает богиню. Особенно стараются крестьяне, которые с трудом могут дождаться конца войны.

Но, наконец, настал желанный час. «Крестьяне», — заявляет Тригай, — «берите ваши лопаты и возвращайтесь домой к земле. Копьяники и мечи можете оставить здесь. Торопитесь, спешите! Со всех сторон уже запахло миром. Итак, примитесь за работу, за землю

Радуйтесь, ликуйте!» Радость и ликование крестьян не знает границ. «Да здравствует радостный день! Каждый крестьянин встречает тебя с восторгом. Сразу стало легче на душе с тех пор, как ты показался. Будучи мальчиком, я посадил деревцо. С какой радостью я снова вижу его. Как оно выросло! Сколько лет его не видел... Какое счастье, что шлемы и щиты не мозолят больше нам глаза. Как блестит на солнце лопата... Как весело будет снова обрабатывать землю. Приветствуем тебя, богиня мира... Ты наша радость, наша мечта, нас, честных, трудовых крестьян»...

Но вне себя от негодования заинтересованные в продолжении войны жрецы и продавцы оружия. «Тригай, ты меня разорил», — заявляет продавец оружия, появляющийся на сцене. — «Ты лишил меня куска хлеба... Что мне делать с этим прекрасным панцирем ценою в десять мин? Что мне делать с этой трубой, на что она мне теперь? Шестьдесят драхм я в свое время заплатил за нее»... Кузнец, делающий шлемы, также набрасывается на Тригаю: «Ты разорил меня, чудовище. Вот этот товар (он показывает шлемы) стоит мне самому целую мину. На что он мне теперь? Кто его купит?» «Да, нам теперь прескверно», подтверждает продавец оружия. Не мешая еще раз напомнить, что это описание лиц, заинтересованных в продолжении войны, написано более, чем 2300 лет тому назад. Как мало изменилась человеческая душа с тех пор!

Попытки продавцов оружия, жрецов и полководцев снова вызвать воинственный дух и возобновить войну не увенчиваются успехом. Тригай остается победителем. Комедия заканчивается молитвой богам о продлении мира:

«Так давайте же богов молить, чтобы они счастье и удачу ниспослали эллинам; чтобы хлеб во всей стране уродился и чтобы осень нам принесла изобилие вина и фиг для пиров. Чтобы жены наши нам детей рожали; чтобы все блага, похищенные войной, к нам опять устремились и чтобы исчезли блестящие мечи».

Год спустя мир с Спартой был действительно заключен. Но уже три года спустя оба государства снова воюют. И десять лет, после постановки комедии «Мир», снова играют комедию Аристофана, в которой он еще резче, чем до сих пор, высмеивает сторонников войны. В комедии «Лисистрата» описывается, как женщинам надоело «покорно нести бремя войны».

«Дважды и трижды нас, женщин, война поражает. Мы сыновей родили—а теперь мы их шлем на поле битвы. И в то время, когда мы должны были бы радостно жить и вкушать дни юности—война нам стелет одинокое ложе».

И вот устраивается тайный заговор, чтобы «спасти Грецию». Женщины обеих воюющих сторон объявляют своеобразную всеоб-

щую забастовку, чтобы заставить воюющих мужчин заключить мир. Женщины обязуются не отдаваться ни мужьям, ни любовникам пока продолжается война. В необузданно веселых картинах описываются муки воинственных мужчин, пытающихся склонить женщин на штрейкбрехерство. Но женщины не поддаются и продолжают стачку. Афиняне и спартанцы, воевавшие друг с другом, измученные вынужденным аскетизмом и заключают мир. При этом Лисистрата, зачинщица женских забастовок, читает мужчинам, малюшкие политические наставления о том, как должен заключаться мир, поясняя свои мысли примером, взятым из женского опыта. Она описывает, как женщины терпеливо и осторожно распутывают шерсть, спутавшуюся в клубок. Точно так же терпеливо и осторожно мужчины должны распутывать клубок войны. Но и то, как женщины моют и чистят шерсть, может, по мнению Лисистраты, служить мужчинам политическим примером. Женщины очищают шерсть от всякой грязи и от сора. «Точно так же нужно очистить шерсть государства от всяких негодяев».

Кончается комедия празднеством, устроенным спартанцами и афинянами в честь заключения мира.

«Никогда я не видел подобного празднества», — заявляет гражданин города Афин. — «Спартанцы были очаровательны. Мы, как всегда за вином, блистали остроумием».

Другой возражает:

«Еще бы! Будучи трезвы, мы отнюдь не отличаемся остроумием. Если бы афиняне послушали меня, то, будучи послами, мы бы всегда напивались. Если мы прибываем в Спарту трезвые, мы ищем, где бы покутить, не слушаем, что они говорят; подозреваем то, что они не говорят, и сообщаем дома, что нам вздумается. А сегодня все было так прекрасно».

Смелость насмешек Аристофана не имеет границ. Чтобы и вполне оценить, нужно себе представить, что писались эти комедии в то время, как велись войны. В этих комедиях воплощается не ужас перед войной, как в «Илиаде». Аристофан смеялся над войной. Смеялся над ее бессмысленностью, смеялся над безрасчетностью людей, продолжавших воевать. А осмеянные им люди даром за него же насмешки высшую награду, лавровый венок.

Не лучшее ли это доказательство тому, что они разделили его взгляды? Что, дав себя вовлечь в войну, они не идеализировали ее.

Древние римляне и война.

Самым воинственным народом древности считались римляне. История этого народа состоит из бесконечных войн. Почти вся Европа и громадная часть Азии в результате этих войн была подвластна «римской империи». И тем не менее народные массы древнего Рима отнюдь не увлекались войной. Если они были «воинственны», то это лишь обозначает, что они умели воевать, но не любили войну!

Во всяком случае римляне не воспевали войны. Народных песен древних римлян не сохранилось. Но и в художественных произведениях их поэтов тщетно мы искали бы хвалу войне. Это тем более достойно внимания, что многие из римских поэтов пользовались материальной поддержкой цесарей или влиятельных лиц, вроде полководцев. Поэты из благодарности (не совсем бескорыстной) слагали стихотворения, восхваляющие доблести и подвиги щедрых «Августов» и «Меценатов», но воинского дела не воспевали.

В «Энеиде», знаменитом произведении Вергилия, герой повествует о конце Троянской войны.

„Велишь обновить
несказанное горе—
Как погибла Троя, как Приамово царство
Греки низринули, все, чему я плачевный свидетель,
Все, чего я был главная часть... Повествуй об этом,
Кто—мирмидон ли, долон ли, свирепый ли ратник Улисса—
Слез не прольет.“

До того горестным бедствием является здесь война, что поэт не стесняется заставить пролить слез даже героя Энея, вспоминающего о бедствиях войны.

В том же произведении находится стих—«если ссорятся цари, народам приходится за это страдать»—стих, неоднократно

повторяемый за две тысячи лет его существования. То же самое говорится и в русской пословице: «Паны дерутся, у холопов чуб трещит!»

Идеализации войны и в этой поговорке во всяком случае не видно. Цезари, по окончании войны, спешили обратно в Рим, чтобы наслаждаться музыкой и вообще всеми прелестями мирной жизни. Военные «профессионалы», избравшие себе воинское дело, как настоящее ремесло, отнюдь не пользовались почетом. С ядовитой иронией римский поэт рисует нам такого поклонника войны.

„На поле битвы я пойду,
Хоть ради моего меча;
Иначе бедный он тоскует,
Без дела долго оставаясь,
Давно уж разрубить он жаждет
Врагов, в сраженьи, на кусочки“...

Так декламирует герой комедии «Хвастун», написанной римским поэтом Плавтом 200 лет до Р. Х. В ней дается карриатура на тип военного профессионала, «героя тыла», офицера-вербовщика, вечно хвастающегося своими подвигами. Он капитан по тылу, лгунишка известный, ежеминутно готов ложно присягнуть или предлюбодеяние совершить. Он вечно хвастается, что бабы все за ним бегут. На самом деле все над ним смеются.

Хвастун рассказывает о том, как он убил в одном месте сто врагов, в другом сто пятьдесят, в третьем еще более, и так далее, так что в общей сложности он убил якобы семь тысяч врагов. Но при первой опасности он безмерно трусит. Запутанный в любовную комическую историю он рад, когда отделяется лишь побоями.

Любопытно отношение к воинской доблести поэта Горация (65—8 лет до Рожд. Христ.). В одной из своих сатир он рассказывает следующий случай:

«Один из воинов Лукулла скопил с грехом пополам несколько грошей. В то время, как он ночью спал, у него украли эти деньги. Заметив кражу, солдат был вне себя от злобы. Все еще не оправившийся он принял участие в сражении. Его беспримерному мужеству удалось завладеть неприятельским укреплением. В укреплении хранились сокровища неприятельского короля. Война окончилась с честью, дала ему в награду бесчисленные богатства. Но когда снова предполагается штурм на другое неприятельское укрепление тот же воин не показывает ни малейшей храбрости. Начальник его пытается всячески уговорить, сулит ему великие награды, но

воин ни с места. «Почему ты не идешь?» спрашивает начальник. «Туда, куда ты хочешь, лишь тот пойдет, кто до этого лишился своих денег».

Гораций, объяснивший уже 1700 лет до Карла Маркса воинскую храбрость экономическими предпосылками, признается в другой сатире совершенно откровенно, что он сам бежал с поля битвы во время единственного сражения, в котором он принял участие. Никогда бы поэт не осмелился сделать публично такого признания, если бы римляне, так много воевавшие, были бы одновременно действительно восторженными поклонниками войны.

Публичное признание в трусости, выказанной во время сражения, ничуть не повредило Горацию.

Покровители Горация, будучи полководцами, похищавшими земли и богатства у других народов, своего ремесла не идеализировали. Даже в их глазах не умалялось значение и нравственный вес человека, из ужаса или даже страха уклонившегося от участия в войне.

VII.

Народы Азии и война.

Особенно воинственными принято считать народы Азии. Но все времена, и в далеком и в близком прошлом, они вели бесконечные войны.

Но паряду с вестью о бесконечных войнах этих народов существуют многочисленные памятники, повествующие о глубокой любви к миру, таившейся и в них.

Начнем наш обзор с индусов. Этот народ разделялся на «касты», которым надлежало исполнять определенные обязанности. Так, в касте воинов испокон веков, по наследству от отца к сыну, передавалась обязанность принимать участие в войнах. И, несмотря на то, что у индусов в течение тысячелетий эта каста исполняла свою воинскую обязанность, мы находим у этого народа памятники искренней жажды мира и глубокого отвращения к войне.

Самый древний литературный памятник не только Азии, но и всего мира, это Ригведа—святая книга индусов, написанная 2000 лет до Р. Хр. Вся она полна воззваний воздерживаться от убийства и самых резких порицаний войне. Другая святая книга индусов «Бхагавад-Гита», написанная около 500 лет до Р. Хр. В этой книге мы находим, между прочим, рассказ о том, как молодой индийский князь Арьяна непосредственно перед началом битвы, «когда уже начали с обеих сторон сыпаться стрелы», вдруг, «объятый глубокой жалостью», отказывается убивать и сражаться.

„Руки и ноги не повинуются мне, мои губы сохнут, все мое тело дрожит, и волосы стоят дыбом. Лук выпадает из рук моих, на всем теле горит жара, я не могу стоять на ногах, и мысли путаются в голове“...

Происходит его смятение не от страха, а от отвращения к битве. Не за свою жизнь дрожит он, а становится ему противно убивать других.

Правда, в сказании князь Арьяна лишь потому так потрясен предстоящим сражением, что «он увидел отцов и сыновей, дедов и внуков, дядей и племянников, учителей и учеников, друзей — всех в равной мере в одном войске и в другом». Его пугает междоусобная война. «Нельзя убивать близких кровью... Грех убивать родных и оскорблять друзей».

В бесконечных войнах повторялась с тех пор та же картина: «близкие кровью», которых насильно заставляли принимать участие в войне, стояли по обе стороны фронта, не вселяя ни малейшего смущения в сердца тех людей, которые считают, что война есть самое подходящее средство для решения международных споров. В этом отношении молодой князь Арьяна, о котором повествует индийская легенда, более чуток.

„Нет, не хочу я сражаться... Великий грех, алча власти, убивать близких. Если бы сыны Дритарастры убили меня безоружного, не сопротивляющегося—было бы мне легче.“

«Так провозгласил Арьяна перед битвой, опустившись на колесницу. Выронил из рук он лук и стрелы, горем удрученный». «Кто знает, лучше быть ли победителем или побежденным?»—провозглашает Арьяна.

Таким образом памятник религиозно-художественного творчества древних индусов нам указывает, что уже 2400 лет тому назад среди них просыпалось чувство нравственного возмущения и протеста против войны.

Особенно яркие художественные произведения, направленные против войны, мы находим в Китае. В Китае поэзия является особенно характерным показателем народных чувств и воззрений. Не только народные песни, но и творения литераторов широко распространены во всех слоях населения. Не только образованный китаец знает наизусть так называемый «Ши-кинг», сборник стихов за 3000 лет, но и китайский рабочий поет песни любимых поэтов вроде Ли-Тай-По и Чу-Фу. Любимым народным поэтам воздвигаются храмы. Китайцы много воевали, и в их песнях находится много описаний войны. Иногда раздаются голоса, которые так же, как и у других народов, воспевают доблести борцов. Сама война и у китайцев никогда не воспевается. Зато китайские стихи против войны настолько сильны и потрясающи, что даже те из них, которые сочинены 3000 лет тому назад, нам кажутся не устарелыми. Так, в упомянутом уже Ши-Кинге мы находим такую солдатскую песню:

„Топчет нас царь, подымаясь по нашим трупам, как по ступеням. Кто измерит, сколько воды в реке протекло? Кто измерит, сколько нашей крови пролито напрасно?“

„Пусть мы царские орлы... Но наши дети голодают, наши жены рыдают. Наши кости в чужой земле гниют.“

„Глаза полководца полны злобы и смеха. Но глаза его также полны страха. Наши матери за гроши на тяжелой работе. Ни у одной не осталось уж сына.“

В том же сборнике находится песня, воспевающая побег со службы, дезертирство:

„Поднялся я на высокую гору. Взглянул я в синюю даль, туда, где живет родимый батюшка. И почудилось мне, что слышу его плач и рыдания: „Горе мое горькое. Увели на войну сына милого. Ни днем, ни ночью нет ему покоя, ни отдыха. Был бы он умен, был бы он смыслен: постарался бы прибежать домой.“

„Поднялся я на высокую гору. Взглянул я в синюю даль, туда, где живет родимая матушка. И почудилось мне, что слышу ее плач и рыдания, рыдания-причитания. „Горе мое гореваньце! Увели на войну сына милого. Ни днем, ни ночью нет покоя ему, ни отдыха. Поглядел бы, высмотрел бы он, как притти скорей на родиму сторону. Прибежал бы он, нас обрадовал, и не жили бы мы в разлуке...“

„Поднялся я на высокую гору, взглянул я в синюю даль, туда, где живет мой старший брат. Почудилось мне, что слышу его жалобы и укоры: Увы, мой молодой брат на государевой службе забывает свой долг. Днем и ночью нет у него покоя, ни отдыха. Прежде всего он должен думать о том, как вернуться. Ни за что не должен остаться умирать на чужой стороне.“

Участие в войне здесь не воспевается, как «защита отечества» — оно объявляется презрительно «государевой службой». Дезертирство рассматривается прямо как «долг» по отношению к родине.

Основатель китайской религии, поэт и философ Конфуций (551—478 до Р. Хр.), при виде могилы знаменитого воина, сложил стихи о глупости человеческой жизни.

„Все в природе повторяется и возвращается. Лишь человеку суждено жить всего один раз и не более. Какие следы остаются от тела и его деяний? Полурастертый холмик, заросший сором.“

Ни восторга перед войной, ни преклонения перед воинской славой здесь не заметно. Современник Конфуция, китайский философ Лао-Тсе говорит о войне:

„Мир, самый недостойный, предпочтительней самым ярким успехам войны: самая яркая победа все-таки лишь отражение пожара. Кто убивается лаврами — тот любит кровь; он должен быть вычеркнутым из помощи человечества. Наши предки говорили, что в честь победителей нужно устроить

поминки. Их следует встречать с плачем и рыданием, памятуя об убийствах, которые они совершили...“

У философа Миция (также современника Конфуция) мы находим следующие слова:

„Убить человека преступление... Убить десять человек—преступление в десять раз более, а убить сто человек—преступление в сто раз большее... И все-таки хвалят войну...“

Потрясающую картину затянувшейся войны даёт поэт Ту-Фу, очевидец долголетней войны китайцев с татарами (около 700 л. после Р. Хр.):

„Скрипят колеса, фыркают кони, идут солдаты с стрелами, луками. Отцы и матери, жены и дети их провожают. Смешавшись с толпою, перебегают из ряда в ряд. Цепляются за одежду: пытаются удержать их. Трепещут. Плачут. И стон и рыданье доходят до облаков. Вокруг них пыль столбом. Подходят к мосту и не видят. Прохожие сторонятся: откуда, куда вы?“ „Мы все ходим и ходим. Долог наш путь. Без устали нас гонят из конца в конец. Многие из них были молодыми мальчиками, когда их послали воевать на север. Теперь они уже зрелые мужи, и их снова посылают на запад. Когда они покинули родину, шлем осенял безусые губы, покрытые сединой возвратились они—и снова погнали их в путь.“

„Ненасытен царь, жаждающий завоеваний. Не слышит он голос народа.“

„Напрасно женщины взялись за соху и лопату. Тернием и плевелом заросли осиротевшие поля. И нет конца войне. Не видно конца бойне. И жизнь человека не ценится более, чем жизнь курицы или собаки.“

„Почтенные старики обращаются к воинам с расспросами. Полные негодования им отвечают: „Даже ночью, говорят они, „не дают нам отдохнуть от боя. С наших семейств немилосердно выманивают подати. Подати,— а чем их уплатить. Дошло уже до того, что рождение мальчика для них горе, и лишь тогда радость, когда родится дочка.“

„Девушка найдет себе мужа среди соседних народов. Мальчикам суждена ранняя смерть. Как сорная трава они гибнут, которую соха рвет на куски и мешает с землей.“

„О, государь, кабы увидел ты берега синего моря, где белеют мертвые кости, непогребенные пажобной рукой! Где души недавно павших своими жалобами нарушают святой покой душ давно погребенных...“

„Сумрачен день, и печален, холоден дождь. Стоны и вздохи несутся. Страшен берег тот смерти.“

Все религии—и христианство, и буддизм, и конфуцианство—все проповедают идеи мира и любви. Единственная религия, объ-

люблющая войну «святой»,—это ислам, религия, созданная Магомедом. Ислам широко распространен среди народов Азии. Тем не менее проповедь святой войны в действительности далеко не отвечает и не отвечала желаньями народов, принявших ислам. Лучшим доказательством тому служит Коран, святая книга магометан, в которую занесены все изречения пророка Магомета.

По мнению Магомета «только слепой, калека или больной не совершают преступления, оставаясь дома», когда объявлена «святая война». Но из Корана видно, что арабы, слывшие столь воинственными, отнюдь не разделяли взглядов своего пророка. Полный негодования Магомет заявляет в Коране:

„Арабы пустыни, которые остались дома, хоть и стараются оправдаться своим материальным положением, и тем, что они не могли уйти из-за хозяйства. Но они говорят одно, а думают другое.“

Какие «думы» удерживали арабов избегать участия в походах, мы узнаем из другой проповеди Магомета.

„Вы не согласны нести гибель на землю и разорвать узы крови.“

Возмущенный пророк уверяет, что Бог их проклял, сделал их глухими и слепыми. Магомет обвиняет их в том, что они при объявлении войны—

„Они смотрят взором человека, у которого болит сердце, или который чувствует дыхание смерти.“

„А подобало бы им лучше показывать храбрость и воинский дух.“

Эти отрывки из Корана нам показывают с полной очевидностью, что даже среди слывших якобы столь воинственными последователями Магомета находились такие, которые еще при жизни пророка показывали, что они войну отнюдь не считают «святой». Если Коран нам дает ответ на вопрос об отношении последователей Магомета к войне, то из Ветхого Завета мы можем почерпнуть сведения об отношении к тому же вопросу древних евреев.

Из Ветхого Завета известно, что они вели многочисленные войны. Но из Ветхого Завета точно так же выясняется, что среди древне-еврейского народа раздавались голоса против братоубийства. Еще до появления Христа раздавались эти голоса. Кому нулевы были войны, и кто протестовал против них, выясняется из того обстоятельства, что те же самые пророки, которые громили царей за их распутство и самовластие, проповедывали идеи мира. Их голоса находили несомненно отклик и в душах древних иудейских царей. Древне-еврейский народ внимал их словам и мечтал о том лучшем будущем, когда, по словам пророка Исаии

„Сделают серпы из мечей, а из копий посохи для выщипывания дола.“

„Не подымет более меча народ на народ, и не дерзнут они больше войн.“

VIII.

Война́ и мир в поэтическом творчестве германского народа,

До сих пор мы рассматривали народы, которые частью отошли в далекое прошлое, частью так далеки от нас, что кажутся нам совершенно чуждыми.

Приступим теперь к рассмотрению народов, населяющих Европу и существующих поныне.

Начнем наш обзор с Германии. В Германии сохранился ряд древних сказаний в поэтической форме, в которых воспеваются воинская доблесть древних витязей Зигфрида, Гюнтера, Гагена и других. Эти сказания точно так же, как древне-греческая «Илиада», возникли при королевских и княжеских дворах.

Лишь в весьма ограниченном объеме мы в них находим отражение народных чувств.

Лишь в самом первобытном состоянии германцы воинственны. Но когда германский народ покидает низкую ступень культурного развития, когда, перестав быть диким, начинает вести оседлый образ жизни, с того самого времени народная масса в Германии пропитывается любовью к миру.

Наиболее ясно выступает это наружу, когда в начале средних веков тысячи беднейшего населения покидают лоно официальной церкви и примыкают к разным сектам, проповедующим, «что никогда и ни в коем случае не должно насильно прервать жизнь, ни свою, ни другую. К концу X века после Рождества Христова сильно распространено верование в скорое наступление тысячетлетнего царства, в котором не будет ни войн, ни борьбы.

Любовь к миру в народе настолько сильна, что даже стоящие вне народа, придворные певцы подчиняются отчасти ее влиянию.

Так, ни один из этих певцов не решается воспевать самое войну. Иногда описывают борьбу и поединки, но лишь поединки прошлого. Восхваляется лишь воинская доблесть героев седой старины.

Когда же певцы хотели восхвалять современников, они приписывают им не воинственность, а кротость, миролюбие, благообразие, честность и постоянство. Так, знаменитый певец того времени Вальтер фон-дер-Фогельвейде (живший от 1167—1220), сочинивший несметное количество гимнов германским рыцарям и князьям, советует императору Оттону быть справедливым, Филиппа он восхваляет за его мудрость и кротость, Ландграфа Германа за постоянство. Но ни одного князя он не воспеваает за то, что тот выиграл сражение или войну. Безусловно, действительность тогдашней Германии далеко не соответствовала идиллической картине, нарисованной «миннезенгером» «певцом любви»—как называли себя поэты того времени. Властолюбивые, задирчивые, хищные князья того времени вряд ли отличались тем «благонаравием и кротостью», за которые их воспеваа Вальтер фон-дер-Фогельвейде. Но важно, что в те времена кровавых расправ, даже при княжеских дворах воспеваались идеалы, противоположные духу воинственности.

В XVI и XVII веке Германия истекала кровью в бесконечных междоусобных войнах между католическими и протестантскими князьями. Тридцатилетняя война (1618—1648 г.) наполнила страну такими ужасами, что самые широкие круги народа охвачены ненавистью не только к войне, но и к ее носителям: солдатам. В то время воинской повинности не было. «Ландскнехты» вербовались, с одной стороны, из подонков населения, отправлявшихся в поход из-за добычи, с другой стороны, из части населения, разоренной войной и не знавшей, куда пристроиться. «Если денег лишусь, в солдаты пойду», говорится в песне того времени. Но даже и эти профессиональные воины, вступившие в войско ради добычи и цинично смаковавшие выгоду своего положения, самой войны не идеализировали. В народной песне XVI столетия говорится о трех войнах, искавших начальника, который «дал бы им денег, чтобы пабить брюхо. Работать они не хотели. Хотели оружием, мечом и луком приобрести почет и жалованье богатое». Идеализации типа война в этой народной песне мы находим так же мало, как и в другой, где с насмешкой поется про тогдашних военных, рыцарей наживы, «что они предпочитают кабаку бранному полю». Эти-то презираемые всеми современниками «рыцари наживы» слагали песни про свое «веселое житье», восхваляя войну, дарившую им столько выгод. Но безусловно, что пемецкий народ того времени, их же презиравший и ненавидевший, их мнений не раздволял. «Гнхо, дети, иль придут солдаты», грозили матери плачущему ребенку в колыбельной песне. Сохранилась крестьянская песня того времени, подражание «отче наш»:

„О, Боже, пришел ко мне солдат
И говорит мне с лживой добротой:

„Отче,

Отдай мне все, что у тебя!
Ибо все, что в твоей хате—
Наше“.

Мне стало жутко. Взмолился.
А в душе мысль: „Ну, и плут же
Ты еси“.

Прошу его: „Оставь меня с миром,
Иначе накажет тебя тот, кто правит
На небесах“.

Он мне в ответ: „Мне все равно,
Давай вино. Да день сей весельем
‘Освятится.“

Всю беззащитность крестьян и всю их ненависть к солдатам рисует нам эта крестьянская песня, каждая из 29 строк которой заканчивается словами из «Отче наш!»

В другой крестьянской песне влагаются в уста солдат следующие слова:

„Подхожу я к мужику,
Денег от него хочу.

Аль не хочешь дать, бедняга?

Ну, так будет переряга.

Нагорает мужичку,
И беру я, что хочу.

С сундуков замки ломаю,
Все, что ценно, забираю.“

Поэт того времени, Логау, полный презрения, высмеивает «законное право реквизиции», которым оправдывались военные грабежи:

„Добыча, думал ты—лишь взята у врага?
Ошибся, милый друг, берут у мужика.
На перекрестках грабят, в церкви „добывают“.
И наши, и враги, все так же поступают.“

«Солдаты думают, что крестьяне существуют для того, чтобы их грабить», говорит он в другой песне. Когда близится конец войны, Логау с ужасом вопрошает, окупила ли война те страдания, которые она причинила людям:

„Какою ценою купили мы мир?
О, сколько лет пролетело...
Какою ценою купили мы мир?
О, сколько голов поседело...

Какою ценою кушили мы мир?
 О, сколько крови пролито,..
 Какою ценою купили мы мир?
 О, сколько счастья разбито..

С горькой иронией он устанавливает, ради чего в конце-концов приносились все эти жертвы.

„Вот воевал весь мир
 Уж двадцать лет и боле,
 И кончится война, все будет, как дотоле.
 И воевал весь мир,
 Чтоб получить лишь то,
 Что до войны имел.
 Как глупо и смешно!“

При приближении мира к чувству презрения к солдатам у поэта примешивается и сострадание.

Солдаты во время войны, с разрешения начальников грабившие жителей, теперь самые жалкие, нищие, беспомощные, больные душой и телом, брошенные своим прежним начальством на произвол судьбы, не знают, как начать новую жизнь.

„Совесь подточена червями,
 Платье в лохмотьях,
 Тело в рубцах.
 Чужих жеи целовали,
 Где дети—
 Не знают...
 Нет ни лошади, ни коровы,
 Нет ни корочки хлеба в суме
 Ни гроша на дорогу...“

Фридрих фон-Логау, со дня рождения которого прошло даже больше трехсот лет, в истории борьбы против войны займет почетное место. Логау был дворянином-чиновником. Из этого мы видим, как широко распространена была в то время в Германии ненависть к войнам, не ограничиваясь лишь трудовым людом, непосредственно от нее страдавшим:

Целый ряд писателей вылил свою ненависть и свое презрение к войнам-профессионалам в ряде ядовитых каррикатур. Так, в комедии «Персей» Иоанна Рист в 1634 году—еще во время тридцатилетней войны—высмеивается офицер, вербующий ратников. В комедии Грифиуса, написанной в 1663 году, уже по окончании войны также выводятся на посмешище типы «героев» подлинного прошлого. Комедии эти пользовались громадным успехом, народ шлою в театры на представления и рукоплескал поэтам, высмеивавшим войну

Война и мир в поэтическом творчестве германского народа.

(Продолжение).

В XVIII столетии германские князья не ограничиваются наведенными и вступающими добровольно в армию. Часть подданных насильно призывается к военной службе.

Это еще более усиливает отвращение всех слоев населения к войне. До сих пор войско составлялось из людей, любивших свое ремесло ради легкой наживы и веселого житья. Мирных граждан, вторгнутых насильно в ряды войска, это житье не прельщает.

Правда, сохранились и из того времени удало-залихватские солдатские песни. Но все многочисленнее становятся те, которые посвящены описанию солдатского гора.

Вот одни из наиболее распространенных:

„Эх, Страсбург, Страсбург, город ты прекрасный,
Немало солдатских головушек
Вокруг тебя, Страсбург, положено.

* * *

Немало положено там солдатиков,
Полегло молодцов храбрых,
Полегло молодцов прекрасных..

* * *

Отца с матерью они покинули.
Покинули родного батюшку,
Покинули родимую матушку.

* * *

Ничего уже не поделаешь!
Много нужно солдатиков
Во городе, во Страсбурге.

* * *

Командира ротного отец с матерью упрашивали:
„Отдай сыночка нам,
Командир, ты, батюшка!“

* * *

„Не просите вы, не сулите золота!
 Не отдать мне вам
 Сына милого.

* * *

Должен сын ваш милый смерть принять
 От врага лютого
 Во чистом поле.

* * *

Должен он сложить свою солдатскую головушку,
 Пусть не плачет любя,
 Пусть не убивается.“

* * *

Как заплачет красна-девица, пригорюнится:
 Никогда, дружок,
 Нам не свидеться.“

Не только разлука с «красной девицей», с отцом и «матерью родимой», не только нежелание умереть «во чистом поле» внушают солдату отвращение к военной службе. Техника этой службы становится все более сложной, требует все более строгой муштровки, ведет все к более тяжелым упражнениям при обучении солдат. Благодаря этому, побег дезертиров начинают принимать массовой характер. Для борьбы с ними вводится суровая дисциплина. Шпирутены, расстрелы, виселицы — мрачно-красными красками оттеняют фон солдатской жизни. Отвращение солдата к войне и военному ремеслу растет все более и находит отражение в солдатских песнях.

Так, в весьма распространенной песне про барабанщика описывается, как барабанщик, находясь в темнице, в день перед казнью прощается с жизнью

„Ах, бедный я барабанщик,
 Как поведут меня из темницы!
 Оставаться бы мне барабанщиком:
 Не страдать бы мне по темницам,
 Не страдать бы мне по темницам.

* * *

Эх, ты, виселица, хоромы высокие,
 Страшно мне на тебя смотреть,
 Жутко мне на тебя глядеть,
 Как завтра мне на тебе висеть,
 Как завтра мне на тебе висеть.“

Затем барабанщик описывает, как мимо виселицы пройдут

солдаты, спросят, кто здесь повешен? А он им ответит, что он «Тамбур лейб-гвардии».

Трогательно последнее «прости» осужденного:

„Прощайте вы, камушки малые,
Прощайте вы, горы высокие,
Прощайте и вы, офицерики,
Фельдфебеля и солдатики,
Прощайте, прощайте, солдатики,
Прощайте, прощайте, солдатики!“

«Звонким голосом» тамбур перед казнью кричит свой прощальный привет.

В другой песне описывается расстрел солдата. В ней указывается, что подвергается он казни за дезертирство. Но одновременно указывается также, и почему он дезертировал. Он не выдержал сурового обращения. «Наш капрал человек бессердечный, он в моей смерти повинен: его обвиняю», — заявляет осужденный. Описывается, как за час до полуночи поймали беглеца и повели к ротному командиру. Утром выстраивается полк, дезертир должен принести повинную и просить о помиловании. Он заранее знает, что просьба его не исполнится.

«Последний раз вы меня видите, братцы», обращается он к товарищам солдатам. «Об одном прошу я вас, братцы, солдатики! Стреляйте вы все зараз; не щадите вы жизни моей молодой. Стреляйте так, чтобы брызнула красная кровь, об этом прошу я вас!» Заканчивается песня мольбой осужденного к Царице Небесной, «чтобы взяла она его душу к себе на небо туда, где ангелы милые; чтобы не забыла его грешного!»

Любопытно следующее: удалые солдатские песни того времени отчасти забыты, отчасти сохранились лишь в солдатском кругу, где начальники им учат молодых рекрутов. Песни же, рассказывающие про горе солдатской жизни, про тяжесть разлуки, про то, как трудно принять «раннюю смерть», — эти песни стали в настоящем смысле слова «народными». Они поются по сей день мирным трудовым людом в Германии, поются рабочими и крестьянами, поются в городах и селах.

В конце XVIII века ненависть к войнам была настолько распространена в Германии, что находила себе отражение не только в песнях солдат и трудового народа, но и во всех литературных произведениях того времени. Самые выдающиеся поэты того времени были решительными противниками войны.

Когда прусский король Фридрих II предложил Геллерту испро-

свить у него какую либо милость, тот не мог передать войну, 490 он «умоляет его на колоннах» прекратить войну так называемую «Семилетнюю войну» между Пруссией и Австрией, длившуюся от 1756 по 1763 г.).

Поэт Клопшток в 1770 г. пишет стихотворение, в котором называет войну «страшнейшим хохотом человеческого рода».

Гердер, поэт и философ (1744—1803), в стихотворении «Герой» объясняет, что плохое это геройство, если человек ополчится на человека. Он не жаждет крови другого—ибо пить ее не может, съесть другого он тоже не может. Но рубить его хочет, разрубить на кусочки, убить. Быть может, из мести? Нет, не из мести. Ведь он другого не знает, быть может, даже любит его. И не спасать отчизну пришел он из далекой страны. Властный приказ привел его сюда. Грубое желание наживы, стремление создать особого рода рабство. Одурманенный вином и водкой он стреляет, колет, рубит, убивает—кого? за что? для чего? Он сам того не знает. А затем «герои» заключаются в замок немилосердия, в больницу, и сотнями лежат там, издавая стоны. А когда кончаются войны, нищета и голод, тогда они—убийцы и калеки—должны просить по улицам милостыню». В противовес этим убийцам и калекам поэт объявляет героем лишь того, «кто борется за человечество». Лишь о нем можно сказать, «что он смерти не искал, но и не избегал ее». Тот же поэт говорит: «Все гуманные люди должны, полные горячего чувства человеколюбия, распространять этот взгляд (т.-е. взгляд о бессмысленности и безнравственности войны). Отцы и матери должны передавать свой опыт детям. Слово «война», которое так легко произносится, должно сделаться ненавистным всем людям. Должно дойти до того, что это слово вселяло бы то же содрогание, как пляска Св. Витта, чума, голод, землетрясение, что лишь с трепетом решались бы произнести или написать его». Поэт Лессинг заявляет, что каждый народ должен подчинить свои интересы «интересам человечества.—Весьма желательным, чтобы в каждом государстве нашлись бы люди, которые стояли бы на выгодах отдельных народов и понимали бы, что существует великая грань, переступая которую, патриотизм перестает быть добрым делом».

Народы Западной Европы и война.

То же самое, что мы говорили о Германии, применимо и к другим странам Западной Европы. Так, например, Франция в первобытном состоянии воинственна, и в ней в первые столетия после введения христианства и в течение средних веков жажда мира широких слоев трудового населения выражается в образовании сект.

И во Франции рядом с кровавой грубой действительностью «трубадуры» (как в Германии «миннезингеры») воспевают кротость и любовь. Ненависть мирного населения к военному делу настолько сильна, что захватывает и здесь людей, стоящих во главе военных орд. Так, Сирано-де-Бержерак, французский офицер, поэт и философ (1619—55) в «Путешествии на луну» заявляет: «Каждый из воюющих уверяет, что право на его стороне. Но если это так, то почему же они не призывают третьей стороны?»

«Война, по его мнению, не признак храбрости, а наоборот, признак трусости». Так же мало позорно проиграть войну, как проиграть игру в кости. По его мнению, всякий шаг вперед в области науки важнее любого выигранного сражения.

Буало-Депрео (1636—1716), придворный поэт французского короля Людовика XIV, несмотря на занимаемый пост, пишет, что «все воинственные князья дураки и воры». Философ Паскаль в 1650 г. заявляет: «Может ли быть что-либо смешнее того, что какой-либо человек имеет право меня убить, потому что он живет по ту сторону реки и потому что у его господина претензия против моего, хотя я лично ничего против него не имею.»

Вольтер, тоже французский философ того времени, прибавляет к этим словам: «Смешно—слово неподходящее. Было бы правильнее сказать «отвратительное безумие». В другом месте Вольтер говорит, что «все войны начаты для того, чтобы воровать», или формулирует ту же мысль словами «первый король был удачный вор». «Самое странное это то», говорит он в другом произведении,

«что военачальник дает освятить свои знамена и торжественно призывает помощь Бога, перед тем, как отправляется в поход. Если ему посчастли-

вилось победить в сражении, в котором пало лишь двести-триста человек, то не стоит благодарить Бога; если же он выигрывает сражение, в котором пало десять тысяч человек, или если ему удастся разрушить город, тогда служат торжественные молебны.“

Приведем еще один отрывок из произведений Вольтера:

„Голод, чума и война—три самые страшные явления на земле. Двумя первыми нас подарило Провидение. Но война, которая соединяет в себе зло всех троих, возникает по благоусмотрению трех- или четырехсот людей, распределенных по всему пространству земного шара.“

В Италии, как признак отношения широких слоев населения к войне, сохранилось несколько пословиц, находящихся уже несколько сот лет в обиходе:

„Война жуликов порождает, мир их вешает.“

„Войну начинать—ад отпирать.“

„В церковь идут по влечению, на войну по приказу.“

Для характеристики Англии XVI и XVII веков часто указывается на то, что драмы известнейшего поэта того времени Шекспира (1554—1616) полны описаний войн, междоусобий и кровавых распри. Герои его драм неоднократно восхваляют и войны и бранный дух.

По этому поводу мы можем сослаться на сказанное нами о других драматических произведениях.

Он описывал различных людей и различного рода страсти. В числе описанных им есть и честолюбивые, корыстные и воинственные. И, рисуя их, поэт должен был влагать им в уста мысли, им соответствующие.

Что же касается взглядов самого Шекспира, то мы можем установить их лучше всего в его лирических стихотворениях, где поэт говорит от своего собственного имени.

В сонетах он говорит, что в тяжелые минуты «высоко над всеми сомнениями непоколебимая уверенность: мир с веткою в руках пройдет по всему миру». Прекратится время, когда смерть будет «душить безропотно немую несопротивляющуюся толпу». Это сознание дает поэту силу «душою одержать победу» над смертью.

Поэтому можно смело сказать, что не те из героев драматических произведений Шекспира, которые проповедуют войну, соответствуют взглядам автора, а те, которые проповедуют идею мира. В драме «Король Генрих V» мы находим следующее выступление в пользу мира. Поэт рисует, как встречаются, окруженные придворными, короли Англии и Франции, чтобы после долгой кровопролитной войны заключить мир.

Перед ними герцог Бургундский, родственник французского короля, произносит горячую речь в пользу мира. Он радуется, что ему удалось свести былых противников. Он вопрошает, что мешает «бедному нагому истерзанному миру» снова вернуться.

„Давно, слишком давно он в изгнании.“

Герцог описывает, к чему привело отсутствие мира, при котором «процветали искусства, всего было вдоволь, и с радостью рожали детей». Теперь, несмотря на всю плодovitость земли, земледелие чахнет. «Виноградные лозы, которые приносили всем радость, сохнут. Кусты по сторонам дороги протягивают длинные перепутанные ветви и напоминают узников, обросших волосами. На необработанных полях развелись сорные травы. Плуг лежит забытый и ржавеет.» Деревья, виноградная лоза дичают. «Точно так же дичаем мы и наши дети», восклицает герцог. «Нам некогда учиться тому, что было бы гордостью страны. Мы забыли, что знали. Мы живем, как дикие. Мы превратились в солдат, алчущих крови. Мы ругаемся, смотрим исподлобья. Одеваемся грязно и небрежно. Самое противоестественное стало нам любо.»

В другой драме Шекспира герой восклицает при виде горя, которое терпит Англия во время войны:

„Бедная страна! Не нашей матерью, нашей могилой она должна бы называться. Не улыбнется нам никто. Воздух полон жалоб и стонаний — но никто не обращает на них внимания. Самое большое горе и отчаяние — повседневны. Раздается вечно погребальный звон. Никто не вопрошает: ради чего?“

Сто лет после Шекспира английский сатирик Свифт написал политическую сатиру под заглавием «Путешествие Гулливера». Герой этого произведения Гулливер, странствуя по всему миру, попадает в царство лилипутов, в царство великанов и другие сказочные страны. В одной из этих стран он описывает ее повелительно нравы рода человеческого. Так как король этой сказочной страны никогда не слышал о том, что такое война, Гулливер дает ему описание войны:

„Я описал ему пушки, ядра, ружья, пистолеты, порох, пули, сабли, штыки, битвы, осады, отступления, нападения, мины, контр-мины, обстрелы, морские сражения. Корабли, которые гибнут с тысячами людей, так что на обеих сторонах приходится насчитать двадцать тысяч мертвых. Я описывал предсмертные стоны, куски суставов, брошенные в воздух, дым, шум, смятение, тела, затоптанные на-смерть лошадиными копытами, бегство, преследование, победу. Я описывал поля, засеянные трупами, которые служат пищей для собак, волков и хищных птиц. Я описывал грабежи, разбой, святотатство, поджоги, разрушение.“

На вопрос, почему происходит у людей войны, Гулливер отвечает, что причин бесчисленное множество, и что он хочет упомянуть только о важнейших из них:

„Иногда причиной служит честолюбие князей, которым вечно кажется, что под их властью находится мало земли или людей. Иногда причина заключается в испорченности министров, которые запутывают своих вассалинов в войну, чтобы отвлечь или заглушить их внимание от жалоб народа на их плохое правление. Иногда война должна решить, который из князей должен лишиться трети своих владений, хотя никто не может на них предьявить никаких прав. Иногда князь воюет из боязни, что иначе другой станет с ним воевать... Иногда войну начинают потому, что враг слишком силен, иногда от того, что он слаб. Иногда нашим соседям недостает того, что есть у нас, иногда нам того, что у них имеется...

„Также принято начинать войну с ближайшим союзником, если один из его городов находится у нас под боком, или для того, чтобы кусок его земли округлил и дополнил нашу страну...

„Вполне подобает королю, считается достойным и оказывается повседневным явлением, что князь, которого другой просит о помощи, оказав ему помощь против нападений третьего, в конце-концов сам забирает земли у просившего помощь и при этом убивает, берет в плен или шлет в ссылку того князя, которому он оказал помощь.

О колониальных завоеваниях Гулливер рассказывает:

„Если князь посылает войска в страну, население которой бедно и невежественно, то это вполне в порядке вещей, если половину населения умерщвляют, а другая половина отдается в рабство, чтобы сделаться таким образом цивилизованной и выйти из состояния варварского образа жизни“.

Заканчивает Гулливер рассказ словами:

„Поэтому (мы обращаем внимание читателя на полное горькой иронии слово „поэтому“), итак, „поэтому“ профессия солдата считается наиболее почетной; ибо он нанят убивать как можно более существ, принадлежащих к тому же человеческому роду, что и он, и не причинивших ему ни малейшего зла.“

Философ Юм (1711—1776) пишет о войнах:

„Когда я смотрю на две воюющие нации, мне кажется, что я вижу двух пьяниц, дерущихся в магазине фарфоровых изделий. Мало того, что они должны лечить шишки, приобретенные в драке, они должны еще уплатить за убыток, который они причинили.“

Мы могли бы продолжить обзор голосов, раздававшихся в Западной Европе против войны, еще многочисленными примерами. Но мы думаем, что и приведенных достаточно для того, чтобы доказать, как во все времена и у народов Западной Европы раздавались постоянно протесты против «отрицательного бесумия» войны.

Перейдем же теперь к России.

Война и мир в поэтическом творчестве русского народа.

Среди древнего поэтического творчества русского народа мы находим всего одно произведение, описывающее войну; это: «Слово о полку Игореве». Отношение поэта к войне резко отрицательное. Князь Игорь порицается за то, что отправился в поход. В былинах воспеваются подвиги богатырей-героев—«старого казака Ильи Муромца», «торгового гостя Никитушки, сына Романовича» и «боярина Ставра Годиновича», «млада Алеши Поповича» «Василия, сына Буслаевича» и т. д. Война в былинах не воспевается. Ненависть певца направляется против полчища татар поганых именно за то, что они своими требованиями «отдать стольный Киев-град» вызывают необходимость выступать в бой.

Однако, если и война не воспевается в былинах, то все-таки воспеваются такие мало отрадные явления, которые вырастают в атмосфере вечной воинственности. Воспеваются не только храбрость, сила и самоотверженность, но и бессмысленная удадь, буйство и задорничанье.

„Живучи Буславьюшко преставился,
 Оставалось его чадо милое,
 Молодой Василий да сын Буславьевич.
 И зачал Васильюшко по Ново-град похаживать,
 И зачал Васильюшко шуточки пошучивать:
 Кого хватит он за руку,
 Руку рвет из плеча он вон;
 Кого хватит он за ногу,
 Ногу рвет из ходилов вон;
 Кого хватит за головушку,
 Головой вертит будто пугвицей.
 И стали жалобы доходить
 К его родной матушке,
 Пречестной вдове Мальфе Тимофеевне:
 „И ты честна вдова, Мальфа Тимофеевна,

Ушмай-ка ты свое чашо милое,
 Молодого Василя Буславевича,
 Что он ходит по городу уродует,
 И шуточки он пошучивает..."

Бряд ли «мужики Новгородчане», над которыми «пошучивали» всякие Василии Буслаевичи, сами воспевали эти «шуточки». То, что говорилось о песнях других народов, относится и к русским былинам. Они пелись певцами при княжеских играх и отражают взгляды тогдашних властелинов.

„Как во славном в городе в Киеве
 У славного у князя у Владимира,
 У Солнышка у Красного, сына Всеславича,
 Собирался пир-беседушка
 Честнохвальная да почестная.
 Уж как пьют они да гуляют,
 Князья, бояре прохлаждаются,
 Меж собою они похваляются:
 Сильный хвалится своей силою,
 Богатый хвалится богатством..."

В этой атмосфере княжеского и боярского гулянья и «прохлажданья» возникали былины. Гости княжеских пиров, хваставшиеся «силой и богатством», вносили в них элемент преклонения перед грубой силой.

Но певцы былин происходили сами из простого народа. Поэтому мы находим иногда и в былинах отзвуки народных воззрений. Так, в былинах никогда не воспевается сама война. Так, герои былин иногда наказываются за воинственный задор и хвастливость.

Василий Буслаевич на Фараон-горе увидел человеческую голову:

„Стал над головушкой подшучивать.“

На этот раз его подшучивание не проходит безнаказанным:

„Заговорила голова да резвым голосом:
 Не в тебя я богатырь, да лежу на Фараон-горе
 А тебе со мной рядом лежать.“

В другой былине тот же богатырь хвастается, что он «вскочит и назад отскочит» через заколдованный «бел горячий камешок». После заставляют его поплатиться жизнью за хвастливость.

„Так скакал Василий Буславевич
 Через бел-горючий камешок
 И назад отскочил до пол-камешка
 И пал на белой горячий камешок
 И разбил свою буйну голову.“

Безусловно, что в приведенных выше былинах выливалось народное чувство возмущения боярскими шуточками и воинственным духом.

Но за этими немногими исключениями былины нам не дают картины отношения русского народа к войне. Его мы должны искать в других поэтических произведениях.

Таковые сохранились также с древних времен, в сказках и народных песнях.

Сказка про Анику-воина характерна для рассматриваемого нами вопроса. Аника-воин весьма напоминает Василия Буслаевича.

«Жил он двадцать лет с годом, пил-ел, силой похвалялся, разорял торги и базары, побивал купцов и бояр и всяких людей. Аника-воин задумал ехать в Ерусалим-град, церкви Божии разорять». По дороге Аника-воин встречает смерть. Его хвастливая самоуверенность не знает границ. «Не больно страшна,—заявляет он.—Я мизинным пальцем поведу—тебя раздавлю». Но против смерти он оказывается бессильным. «Напал на него великий страх; говорит Аника-воин: «Смерть моя, смерточка! Дай мне сроку хоть на один год». Отвечает смерть: «Нет тебе сроку». Аника-воин просит сроку все меньшего и меньшего. Наконец он умоляет: «Много у меня есть золота и серебра и камня драгоценные: дай сроку хоть на один час—я бы роздал нищим все мое имение». Отвечает смерть: «Как жил ты на вольном свете, для чего тогда не раздавал своего имения нищим? Нет тебе сроку и на единую минуту».

Замахнулась смерть острою косою и подкосила Анику-воина; свалился он с коня и упал мертвый».

Отношение сказки к Анике-воину явно отрицательное. Ясно видна радость рассказчика по поводу того, что Аника, подкошенный смертью, «упал мертвый».

Так же, как и в судьбе Василия Буслаевича, чувствуется, что поэт хотел наказать хвастливого воина-задиру.

Иной тип солдата рисуется в другой сказке. Здесь воин не по призванию, как злой и придиричивый Аника, а добродушный и миролюбивый мужичок, тянувший лямку без особого призвания. В том, «служивший Богу и государю»—только потому, «что его, не спрашивая о его желаниях, поволокли на эту самую службу. «Служил солдат Богу и великому государю целых двадцать пять лет выслужил три сухаря и пошел домой на родину. Шел-шел и крепко задумался: «Господи, Боже ты мой! Служил я царю двадцать пять лет, а теперь до чего дожил? И голоден и холоден; только и есть, что три сухаря».

К этому «голодному и холодному» солдатiku, миролюбивому и незлобивому, сказка относится с полным сочувствием. Все

обращаются с ним ласково и дружелюбно, называют его с добродушным подшучиванием «служба» и «служивой». Ему сказка приписывает еще целый ряд добродетелей. В то время, как Аника-воин рисуется богатым скупцом, ничего не давшим нищим, герой этой сказки раздает бедным свои последние три сухаря. Но что наиболее ярко бросается в глаза — это всякое отсутствие в нем воинственности.

«Ну, куда я тебя дену, служба?» говорит ему Господь Бог и ставит его на часы у дверей к небу. Приходит смерть «за повелением, кого Господь морить прикажет». Солдат идет спрашивать. Бог отвечает: «Скажи ей, чтобы три года морила самый старый люд». Солдат думает: «Эдак, пожалуй, она отца моего и мать уморит; ведь они старики». Вышел и говорит смерти: «Ступай по лесам и три года точи самые старые дубы». Через три года Господь говорит солдату: «Скажи смерти, чтоб три года морила молодой народ». Солдат думает себе: «Эдак, пожалуй, она братьев моих уморит». Пошел и говорит смерти, чтобы три года точила молодые дубы. Снова проходят три года. На этот раз Господь велит морить младенцев. Солдаты думает себе: «У моих братьев есть ребятишки: эдак, пожалуй, она их уморит». Снова солдат обманывает смерть и велит ей три года «глодать самые молодые дубки».

Таким образом, герой — любимец народной сказки, не грозный воин, пускающий смерть на других людей, а наоборот, добродушный солдатик, путем обмана старающийся спасти своих родных от смерти и беспокоящийся «о ребятишках» своих братьев.

Безусловно, не случайность, а доказательство глубокого народного чутья, если в сказке представителем милосердия и миролюбия является солдатик, «голодный и холодный» и имеющий лишь «три сухаря», в то время, как Аника, у которого «много серебра и золота и драгоценного камня», олицетворяет воинственность и насилие. В этом сказывается не только глубокое и искреннее миролюбие, но и инстинктивное понимание социальных и экономических предпосылок войны.

XII

Война и мир в поэтическом творчестве русского народа.

(Продолжение).

Та же нелюбовь к войне, которая проявляется в русских сказках, еще более ярко и выпукло выступает наружу в песнях русского народа. Бесчисленны народные песни, в которых выливается нелюбовь трудового народа к войне и военной службе. Сколько грусти и горя, сколько крови и слез вложено в народные напевы о «невольщине», о «службе государевой».

„Ах, не кукушечка в сыром бору куковала,
Не содовушко громко в сыром бору свищет;
Добрый молодец про неволюшке слезно плачет:
Никогда-то на меня, на молодца, такой тоски не бывало;
Как сегодняшней-то денечек грусть-тоска меня обуяла,
Как, знать, быть-то мне доброму молодцу во неволе,
Как в той-ли-то во неволюшке во солдатах;
Как служить-то мне, доброму молодцу, службу государеву,
Как стоять-то мне, доброму молодцу, во карауле“.

Солдатчина всегда рассматривается, как неволя:

„Воля ты моя, волюшка,
От весны воля до' осени!
На осень воля означится,
Волюшка призначится!
Время приостанется—
На осень будет солдатчина...“

День призвания к исполнению воинской повинности—это самый грустный, самый печальный:

„Идет краса-девица;
она плачет, как река льется,
взрыдает, что ключи кипят...“

Удалый, добрый молодец ее утешает:

„Ты не плачь, не плачь, краса-девица,
Не слези лица румяного,
Не вздыхай, моя разумная!
Не одной-то ведь тебе тошно,—

И мне, молодцу, грустнехонько,
Что иду-то я на чужую сторону,
На чужу-дальну незнакомую,
Что на службу я государеву*.—

Молодому новобранцу «грустнехонько». Он не идеализирует «службы государевой»! Он знает, что ожидает его.

„Ожидают меня, доброго молодца, в солдаты,
Что во те ли новобранные во рекруты,
Велят править службу царскую,
Исполнять волю командирскую“.—

И каково приходится «рекруту новобранному», «исполняя волю командирскую», об этом поется в песне донских казаков:

„Нам ученье ничего,
Между прочим тяжело:
Стой прямо, смотри браво,
Шашкой делай хорошо;
Приступай ты ногой правой,
Поворачивайся:
Не довернешься—бьют,
Перевернешься—бьют!“

В другой песне донских казаков говорится:

„А на службе последнее житье.
Понемногу нам там жалованья дают,
По три денежки у суточки,
По пяти плетей у спинушки кладут.

В солдатской песне XVIII века поется:

„На заре мы встаем,—слезми умоемся,
Кручиной утремся, Богу помолимся...“

Солдатская песня нашего времени гласит:

„Далеко было, далеко во чистом поле,
В чистом поле полынь-травушка,
Разрасталася...
Погорчее тебя, полынь-травушка,
Во всем поле нет!..
Потруднее тебя, служба царская,
В целом свете нет!..
Пристоялись у нас ноженьки
Ко сырой земле;
Прищипало белы рученьки
К строеву ружью;
Пригляделись очи ясные
За Дунай реку...“

Неоднократно подчеркивается, что не по доброй воле действует солдат, не по доброй воле ходит он завоевывать далекие страны, а «занесло его неволею»:

„Сторона ль ты моя, сторонушка,
Сторона моя незнакомая!
Что не сам я на тебя зашел,
Что не добрый меня конь завез,
Не буйны ветры завяляли,
Не быстры реки залелеяли;
Занесла меня, доброго молодца,
Что неволушка солдатская,
Грозна служба государева.
На чужой дальней сторонушке
Ни отца негу, ни матушки,
Ни брата, ни родной сестры,
Ни молодой жены, ни младых детушек“.

Горе разлуки воспевается в бесчисленных песнях, описывающих, как прощается солдат с матерью, с женой, с детьми, и дается потрясающая картина того горя, которое связано с войной и с ее приготовлением—«солдатчиной».

„Есть ли в чистом поле такова трава:
Чтоб без корешка трава выросла, без цветов цвела?
Еще есть ли на всем свете таковая мать:
Отпустила бы своего сына во службу государеву,
Отпустила бы и слезми и не плакала?“—

В той же песне описывается, как

„У стремена-то стоит бедна горящица, молода жена,
На руках то держит бедна горящица
Младенчика ровно трех недель.“

В другой песне добрый молодец унимает мать:

„Ты не плачь, ты не плачь, родимая матушка!
Не плачь, не печаль доброго молодца,
Ты не жди, ты не жди молодца через три года;
На четвертый год сам письмо пришлю,
Во письме пропишу строку черную,
Строку черную, печальную;
Поминай ты меня тогда, родимая матушка, хлебом-солью!“

Горе разлуки и печаль смерти витает над всеми солдатскими песнями. Но если солдат и не пал в поле, а живой возвращается домой. то жизнь его все-таки разбита.

„Как во садуку во зеленому не кукушечка там кукует,
Во тереме во высоком мать по сыну слезно плачет,
По единому, по родимому тяжелехонько вздыхает:

„Ты чадо мое, чадо милое, ты на что, мое чадушко, состарился:
Или я тебя, мое чадушко, состарила, или мои долгие века?
Или душечка молода жена, или малые твои детушки?“

Как ответ держит сын матери:

Мать моя, матушка, мать моя родная!
Не ты меня состарила и не твои долгие веки,
И не душа молода жена и не мои малые дети,
Как состарила меня чужа дальняя сторонушка
Да разъезды были частые,
Караулы были крепкие,
И переходы были долгие!“

Мы ограничимся этими песнями. Мы могли бы и их пополнить сотнями других, выражающих ту же скорбь, горе и печаль.

Безусловно есть и большое количество «удалых» песен, в которых солдатское «развеселое житье» рисуется в самых розовых цветах.

Но любопытно, что эти песни народом не перенимались, не соответствуя его взглядам и чувствам. Зато приведенные нами выше песни сделались всецело народным достоянием.

Любопытно, что есть и такие песни, которые соединяют в себе оба рода отношения к военщине: официально-разудалое и народное...

Так, в Архангельской губернии поется песня, в которой описывается, как

„Шли солдатушки слободой,
Манят девушек за собой!“

Песня начинается удало-хвастливо, описанием веселой солдатской жизни. Но кончается песня неожиданно грустно. За речкой на ракитовом кусте сидит соловей и предостерегает девушек:

„У солдатушек доли-горы,
Доли-горы каменисты;
Между долами то течет река,
Течет реченька, да кровяная,
По ней струечка, да слезяная“.

В этих двух строках народное творчество создало неподражаемую формулу для характеристики милитаризма.

Закончим наш обзор русской народной поэзии казачьей песней из Донской области. Уж, на что принято славить казаков лихой удалью и воинственным задором! Здесь мы видим, однако, что и среди них раздавались голоса, полные глубоко-человеческого понимания горя и ужасов войны.

Чем наша славная земелюшка распахана?
Не сохами-то наша славная земелюшка распахана, не плугами,
Распахана наша земелюшка лошадиными копытами;
А засеяна славная земелюшка казачьими головами...
Чем-то наш батюшка, славный тихий Дон украшен?
Украшен-то наш тихий Дон молодыми вдовами,
Цветет наш батюшка, славный тихий Дон, сиротами.
Чем-то во славном тихом Дону волна наполнена?
Наполнена волна в тихом Дону отцовскими, материнскими слезами.*

Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова

Воина и мир в поэтическом творчестве народов в XIX веке.

Из всех голосов, когда-либо восхвалявших и воспевавших войны, большинство раздавалось в XIX веке.

Являются ли эти голоса показателем того, что в течение XIX века изменилось отношение народов к войне?

Всегда и во всех странах при возникновении войн старались разжечь первобытные эгоистические инстинкты масс обещанием завоеваний и контрибуций, богатой и легкой жизни в случае победы. Угрызения совести всегда заглушались тем, что каждая из воюющих держав утверждала, что на нее напали, и она должна защищаться, и тем, что врагу приписывали самые низкие качества, которые его должны были бы сделать недостойным всякого человеческого сочувствия.

Но в XIX веке воздействие на народы в смысле воспитания в нем духа воинственности происходило беспрерывно.

Во всех странах в этом столетии разросся капитализм. Ища новые рынки для сбыта товаров, он толкал государства на завоевания. В его распоряжение отдавались созданные при помощи всеобщей воинской повинности войска. В этих войсках широкие круги народа подвергались влиянию начальства, состоящего из военных профессионалов. Буржуазная наука, искусство и литература услужливо проповедывали воинственные идеалы капитализма.

Громко звучали голоса поэтов, ученых, литераторов, подпавших под развращающее влияние капитализма и проповедывавших человеко-ненавистничество. В миллионах экземпляров капиталистическая печать разносила эту мысль по миру, отравляя умы и сердца народов.

Все это происходило в равной степени во всех странах Европы: во Франции, в Германии, в Австрии и в Италии, в Англии и в России. Если поверхностно присмотреться к этим явлениям XIX века, то покажется, что мутная волна капитализма, шовинизма и милитаризма затопили и унесла в своем потоке всякую любовь мира,

всякое чувство человечности и справедливости. И перед этим потрясающим зрелищем можно потерять веру в то, что любовь к миру, ненависть к убийству и насилию неразрывно связаны с человеческой душой. На самом деле это вовсе не так. XIX век является, с одной стороны, безусловно апогеем идей воинственности. Но одновременно в XIX веке приобретает мощную силу и любовь к миру.

Нельзя судить об отношении XIX века к войне исключительно по поэтическому творчеству народов. Ибо в XIX веке народная поэзия отступает на задний план, почти затемняется книжной литературой. Она же, подпавши влиянию капитала, далеко не везде отражает народные воззрения.

Поэтому проявление отношения народов к войне в XIX веке мы должны искать в других областях народной жизни.

Любовь к миру выражается в создании различных организаций, в которых принимают участие все народы.

Создаются общества Красного Креста для помощи жертвам войны. Возникают организации «друзей мира» и т. п. «пацифистов», пропагандирующих решение международных споров не войной, а международным соглашением. Социалистическое учение вскрывает корни всяких войн и пытается подготовить такой строй, при котором международные распри отойдут в область предания. В организации трудового народа вступают миллионы, увлеченные идеалом равенства и братства.

Но если бы нам пришлось судить о народных чувствах XIX века все-таки только по литературным памятникам этого времени, то мы бы убедились, что и в XIX веке никаким враждебным силам не удалось заглушить все голоса протеста против бессмыслия и ужаса войны.

Эти голоса протеста особенно ценны, если принять во внимание, что им удалось пробиться сквозь шум и гам человеко-ненавистнических кликов людей, одурманенных или купленных капитализмом.

В предыдущей главе мы видели, как в России народные песни не только седой старины, но и сохранившиеся по наши дни, относятся резко отрицательно к войне и «государевой службе». Безусловно, корни слепого чувства любви к миру, проявленной в русской литературе, лежат в этом глубоком и искреннем чувстве народа. В те времена, когда русское буржуазное общество за одно с царским правительством увлекалось империалистически-завоевательными мечтами, русские писатели не переставали проповедывать идеи мира. Когда в 1877 году Александр II под видом «освободительной войны» в пользу «братьев славян» пытался завоевать Константинополь, Глеб Успенский в разрез с настроением всего,

так называемого интеллигентного общества в горячей отповеди доказывал бессмыслие войны. Всеволод Гаршин в очерках «Трус», «Записки рядового Иванова»; «Четыре дня» и др. описывал ужас войны. Во время русско-японской войны появился страстный протест Леонида Андреева «Красный смех», по окончании войны полные горечи «Записки врача» Вересаева. Лев Толстой полжизни посвятил на борьбу с войной. Как крик наболевшей души прозвучала его книга «Одумайтесь» по поводу русско-японской войны.

Мы ограничиваемся лишь упоминанием имен русских писателей и названий некоторых их произведений по вопросу о войне и мире, предполагая, что русский читатель сам попытается ознакомиться с ними в оригинале.

Эти голоса отнюдь не являются отличительными для России. И в других странах, в то время как правящие классы увлекались войной или проповедывали ее повторение, раздавались голоса, протестующие против этого. Во Франции по окончании Франко-германской войны 1870—1871 г. широкие круги были охвачены желанием «реванша», желанием отвоювать обратно Эльзас и Лотарингию. Ненависть к победителю пустила корни в душу широких кругов французского народа. В это время этот Октав Мирбо печатает рассказ под заглавием «Враг ли?», в котором проповедует, что чувство человеческой любви не может быть заглушено военными событиями. В рассказе описывается, как французский солдат, спрятавшийся в кустах, наблюдает находящегося перед ним немецкого всадника. В своем очерке Мирбо рассказывает устами этого французского солдата о его приключении:

«Безусловно, он вспоминал о том, что он покинул. О доме в котором раздавался детский смех... О подруге, ожидавшей его в горячих молитвах... Суждено ли ему еще раз их увидеть?.. Я убежден, что в эту самую минуту он вспомнил самые мелкие подробности, дорогие пустяковые события тогдашней жизни... розу, сорванную с куста, которою он украсил волосы своей жены... платье которое она носила в день разлуки... голубую ленту на шляпе дочурки—деревянную лошадку—дерево—тихий уголок на берегу реки—нож для бумаги—все воспоминания благословенных радостных дней воскресли в его памяти, приобрели силу видения, как это бывает часто у сосланных, и единым грустным взглядом он обхватил все, все, что составляло до сих пор его счастье...

лошадиную гриву, пронесшуюся по улице, и затем... ничего... но одновременно я слышал, как брякнула сабля, грохнуло о землю тело, раздался топот бешеного галопа... и затем... снова тишина. Ствол моего ружья горячий, струйка дыма подымается из него... Я бросаю оружие на землю... Не игра ли это галлюцинации?.. Но нет... От громадной тени всадника, подымавшейся среди улицы, как бронзовый памятник, остался лишь маленький труп, стертый, как черная глыба. С лицом, повернутым к земле, руками, распростертыми, как на кресте... В моей памяти пронеслось, как мой отец убил однажды бедную кошку, в то время как она пристальным взглядом следила за полетом бабочки по лазури, и я так же глупо бессознательно, безвольно убил человека; человека, которого любил; человека, с душой которого только что сроднилась моя душа; человека, который в прекрасное раннее утро при взгляде солнца отдавался, быть может, самым прекрасным мечтам своей жизни... Я убил его, быть может, когда его губы шептали: «Когда я вернусь домой?»... Что? Зачем?.. Ведь я любил его, я ведь защитил бы его, если бы ему угрожала опасность от других... И я, я убил его!

«В два прыжка я очутился около него. Я звал его. Он не двигался. Моя пуля пронзила ему шею, под ухом: кровь сочилась из лопнувшей вены. На земле она образовала мелкую лужу.

«Дрожащими руками пытался я приподнять его. Голова его покачнулась и тяжело откинулась назад. Я притронулся к его груди, там, где сердце; но сердце не билось...

«Тогда я его, еще более приподнял, положил его голову к себе на колени, и вдруг я увидел его глаза, его два светлых глаза, смотревших на меня грустно, без злобы и без упрека, его два глаза, казавшихся еще живыми...

«Я чувствовал, что теряю сознание, но я собрал всю мою силу. Крепко я обнял труп пруссака, крепко прижал его к себе, и страстно без памяти я запечатлел поцелуй на бледное окровавленное лицо мертвеца»...

Чтобы понять все нравственное мужество Мирбо, написавшего этот рассказ, нужно припомнить ту атмосферу ненависти и ожесточения, которая царилла во Франции после проигранной войны.

В то же самое время французский писатель Мопассан в страстных строках выступает против тех, которые приписывают нравственное оздоравливающее влияние войне. «Война», по его мнению, «это значит соединяться в стада из четырехсот тысяч человек, без отдыха ходить день и ночь, ни о чем не думать, ничего не изучать, ничему не учиться, ничего не читать, не быть полезным никому, гнить в нечистоте, спать в грязи, жить, как скоты, в постоянном одурении, грабить города, сжигать деревни, разорять народы,

потом, встретив такое же скопище человеческого мяса, броситься на него, проливать моря крови, покрывать поля разорванным мясом и кучами трупов устилать землю, быть искалеченным, быть разможенным без пользы для кого бы то ни было и, наконец, издохнуть где-нибудь на чужом поле, тогда как ваши родители, ваша жена и дети умирают с голода...»

В Германии еще во время войны с Францией до ее окончания поэт Гервег печатал пламенные стихи против войны.

Философ Ницше в ярких строках бичует всякую войну и постоянное войско. По его мнению, правительства держат войска исключительно для завоеваний. Но они не хотят в этом сознаться и утверждают, что войско создано исключительно для защиты. Но это приводит к следующему:

«Мы себя объявляем нравственными, других безнравственными ибо необходимо предположить в других желание нападать и завоевывать, если утверждаешь, что собственное государство якобы вынуждено помышлять о способе самозащиты. Но другое государство точно так же не признает своего желания завоевывать и утверждает, что оно, с своей стороны, содержит войско только для самозащиты. Таким образом объясняя, для чего мы держим войско, мы объявляем других хитрыми преступниками, помышляющими лишь о том, как бы напасть на наивную и беспомощную жертву, застав ее врасплох. Так относятся все государства друг к другу: они предполагают низкие побуждения у других; благородные побуждения лишь у себя. Такое предположение нечеловечно; оно еще хуже, чем сама война; в сущности оно призывает к войнам и обуславливает их, ибо оно, как уже говорилось, вменяет соседу безнравственность и тем самым вызывает враждебные чувства и мысли. Поэтому необходимо отречься не только от мысли, что желательны завоевания, но и особенно от учения, что войско может быть средством самозащиты. Быть может наступит великий день, когда народ, воевавший и победивший народ, который отличается наибольшими военными познаниями и способностями, народ, привыкший приносить военному делу самые тяжелые жертвы, воскликнет добровольно: «сломаем меч!», когда этот народ разрушит всю свою военную систему до последних фундаментов. Быть во всеоружии и вдруг бросить всякое оружие, сделать это из глубокого душевного порыва— вот средство для достижения постоянного мира, каковой непременно должен зиждиться на душевном мире; в то время, как вооруженный мир, тот, который теперь шествует по всем странам, вытекает из душевной тревоги, не доверяющей ни себе, ни соседу, и не слагающей с себя оружия отчасти из ненависти, отчасти из боязни. Лучше погибнуть, чем бояться и ненавидеть; лучше дважды

погибнуть, чем вселять ненависть и страх: это должно когда-нибудь сделаться высшим руководящим принципом для каждого человеческого общества!»

В Австрии писательница Берта фон-Зутнер написала роман «Долой оружие», переведенный на все европейские языки и несший всем народам проповедь мира. Приведем из него одну острую мысль:

«Если несколько собак дерутся из-за костей, то при этом грызут друг друга только собаки; в истории же народов сами глупые кости бьют друг друга, разбивают друг друга на куски, и все это, чтобы бороться за права противников, желающих их же пожирать».

В Америке, в XIX веке также познавшей войну (происходила война между южными и северными штатами), поэт Уитмен был глашатаем мира. Особенно потрясающе стихотворение, описывающее, как поэт ночью в лесу натывается на часовню, превращенную в госпиталь:

«Неясно в полутьме вижу фигуры на полу, на церковных скамьях. У моих ног молодой солдат, почти мальчик. Он истекает кровью (пуля попала в живот). Я пытаюсь остановить поток крови. Лицо порою бледнее лилии. Затем, перед уходом, озираюсь. Пытаюсь запечатлеть все в моей памяти. Лица, фигуры, всевозможные положения. Сколько мертвых! Врачи режут. Санитары мелькают со свечами в руках. Пахнет кровью и эфиром. Сколько окровавленных тел! И снаружи двор переполнен. На земле, на бревнах, на носилках — многие умирают. Иногда прозвучит крик. Там громкий, властный окрик врача. Факелы сверкают, отражаются на блестящих стальных приборах врачей... Все это впитываю в себя... вижу умирающих, впитываю запах... Слышу, как раздается команда о продолжении пути... Еще раз нагибаюсь над бледным умирающим отроком. Его глаза еще открыты. Он улыбается мне полуулыбкой. Затем глаза его закрываются, закрываются спокойно... Я выхожу в ряды товарищей в дальний путь по темной дороге».

Хотят ли народы войны?

(Заключение).

Мы приближаемся к концу нашего очерка. Более трех тысяч лет человеческого бытия промелькнуло перед нашими взорами. Более трех тысяч человеческих страданий, бесчисленных войн, более трех тысяч лет наших страстных протестов против «отвратительного безумия» войны.

В Европе и в Азии и в Америке, в наши дни и 3000 лет тому назад, всегда и всюду раздавались эти протесты.

Из народных песен, сказок, сказаний, поговорок, отовсюду звучала горячая жажда мира. В России и в Германии, в Италии и во Франции так же, как в далеком Китае—всюду раздавались эти голоса.

Даже в те поры, когда во время вспыхнувшей войны головы людей туманились лже-патриотическим и воинственным угаром—даже и тогда эти голоса первовестников мира не замолкали. Наоборот. Как раз в эти времена голоса эти становились наиболее страстными и наиболее убеждающими и укоряющими.

И это явление наблюдается во все времена и у всех народов. Более двух тысяч лет тому назад ставятся комедии Аристофана во время войны афинян. Стихи Логау появляются во время тридцатилетней войны. А в недавнем прошлом Мирбо и Мопассан, Гювег и Ницше пишут пламенные страницы в пользу мира, в то время, как еле замолкли раскаты орудийных выстрелов и еще не успели остыть воинственные страсти между только что воевавшими Францией и Германией.

Настолько глубоко народное чувство ненависти к войне, что даже XIX век с его развращающим влиянием не удалось его истребить.

Но протесты не ограничиваются словами. Индусский князь Аврюна перед лицом врагов бросает оружие. Арабы отказываются повиноваться пророку, призывающему их к святой войне. И уже

3200 лет тому назад древне-греческий воин Терсит призывает товарищей не повиноваться царям далее, не принимать более участия в войне и вернуться домой.

«Так было и так будет», говорят нам поклонники войны, утверждая, что испокон веков народы любили воевать.

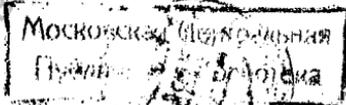
Мы надеемся, что доказали читателю противоположное. Если, с одной стороны, история народов является непрерывной цепью войн и кровавых расправ, то, с другой стороны, она показывает нам ряд непрерывных героических протестов против бессмыслицы и ужаса войны.

Прислушиваясь к голосам народов, во все времена раздававшимся против войны, мы черпаем силу и бодрость, чтобы не покинуть того пути, который намечен в течение тысячелетий мужественными борцами за идею мира.

«Так было и так будет», говорят нам, предполагая неизбежности войны.

«Так было, так будет», повторяем и мы, но имея в виду не войну, а протест против войны.

«Так было, так будет», вечно человеческая душа будет возмущаться братоубийством. Вечно народы будут протестовать против кровопролития, пока не наступит день, когда, по словам пророка Исаии, «не подымется более народ на народ», и «сделают серпы из мечей».

29638C